

Глава 11. ПРАВО СИЛЫ ВМЕСТО СИЛЫ ПРАВА, ИЛИ ЭКОНОМИКА РЭКЕТА

11.1 Угроза правам собственности в легальном бизнесе: "грабящие руки" вместо "невидимой руки"

11.1.1 "Руки", управляющие рынком

Мимолетное замечание А. Смита о невидимой руке рынка, которая оптимально руководит производством, стало одним из краеугольных камней неоклассического "экономикса". Однако представление о полной стихийности формирования и развития рыночных институтов является, скорее, своего рода "сакральным мифом" экономистов, нежели отражением объективных фактов.

Даже в Великобритании, чья история считается каноническим образцом становления капиталистического строя, рынок выступает во многом как результат социального конструирования, на что обратил внимание еще К. Поланьи¹. **Чем позже формируются национальные модели рыночного хозяйства, тем отчетливее в них видны следы рукотворности.** Современная американская модель рыночного хозяйства несет на себе явный отпечаток "нового курса" Ф.Т. Рузвельта, германская модель – программ Л. Эрхарда, японская модель – концепций американских администраторов оккупационного периода. Еще сильнее заметно сознательное институциональное строительство в новых индустриальных и постсоциалистических странах, осуществлявших рыночную модернизацию в последней трети XX в.

Чтобы подчеркнуть качественные различия национальных путей рыночной модернизации, современные американские экономисты **Тимоти Фрей** и **Андрей Шляйфер** выделяют три основных типа условий развития бизнеса в переходных обществах – модель "невидимой руки" (invisible hand), модель "поддерживающей руки" (helping hand) и модель "грабящей руки" (grabbing hand)² (таблица 11.1). Эти модели различаются, прежде всего, тем, насколько обеспечены права собственности предпринимателей и как это осуществляется: в первом случае эти права защищаются законом, во втором случае – правительственными чиновниками, в третьем случае – мафией.

Таблица 11.1

Основные типы условий развития бизнеса в экономиках переходного типа, по Т. Фрею и А. Шляйферу

Модели	Правовая среда	Административное регулирование
Невидимая рука: большинство стран Восточной Европы	Правительство не стоит над законом. Контракты защищаются судами	Правительство следует узаконенным правилам. Регулирование минимально. Коррупция слаба
Помогающая рука: КНР, Южная Корея, Сингапур	Правительство стоит над законом, используя власть для помощи бизнесу. Контракты защищаются государственными чиновниками	Правительство агрессивно помогает некоторым предпринимателям Организованная коррупция
Грабящая рука: большинство постсоветских республик	Правительство стоит над законом, используя власть для получения ренты. Правовая система не работает, контракты защищаются мафией	Многочисленные полусамостоятельные государственные институты осуществляют грабительское регулирование. Дезорганизованная коррупция

Составлено по: *Frye T., Shleifer A. Op. cit.*

В принципе, даже то, что Т. Фрей и А. Шляйфер называют моделью "невидимой руки", отнюдь не тождественно полному невмешательству государства в дела бизнеса. Просто в данном случае государство выступает в роли не "добротного деспота", как в модели "поддерживающей руки", а стража порядка, который вырабатывает единые для всех эффективные "правила игры" и следит за их выполнением – защищает права собственности, что есть первейшая функция государства в рыночном хозяйстве. Но и эта модель является своего рода идеальным типом, реальная же ситуация в различных странах с модернизируемой экономикой представляет собой, как правило, "смещение всех трех типов".

¹ Polanyi K. Great Transformation. Chicago, 1944.

² Frye T., Shleifer A. The Invisible Hand and the Grabbing Hand // American Economics Review. May 1997. С текстом этой статьи можно ознакомиться по Интернету по адресу: <http://papers.nber.org/papers/W5856.pdf>.

Таким образом, распространенное среди отечественных либералов (особенно, в начале 1990-х гг.) *представление, будто для рыночной модернизации достаточно дать экономическую свободу, и затем все наладится наилучшим образом, следует считать вредной утопией*. Чтобы обеспечить защиту прав собственности зарождающегося бизнеса, надо выбирать между "невидимой рукой" закона, "поддерживающей рукой" государственного чиновника и "грабящими руками" бюрократов, коррупционеров и бандитов.

11.1.2 Чьи руки шарят в кармане предпринимателя?

По классификации Т. Фрея и А. Шляйфера, постсоветские республики относятся к модели "грабящей руки": хотя на словах бюрократы придерживаются риторики в духе "поддерживающей руки", в действительности бизнесмены оказываются во враждебном окружении. Кто и как отщипывает "крошки" от предпринимательского "пирога"? Для ответа на этот вопрос обратимся к данным компаративистских исследований условий развития бизнеса, проводившихся в 1996 и 1997 гг. в некоторых постсоциалистических странах под несомненным влиянием и по образцу знаменитых исследований Э. де Сото (таблицы 11.2 и 11.3).

Таблица 11.2

Сравнение условий развития мелкого торгового бизнеса в Москве и Варшаве, 1996 г.

Условия деятельности предпринимателей	В Варшаве (Польша)	В Москве (Россия)
Затраты времени на регистрацию, месяцев	0,72	2,71
Количество инспекторских проверок за последний год	9,0	18,56
Доля магазинов, чьи владельцы были за последний год оштрафованы во время инспекторских проверок, %	46	83
Доля владельцев магазинов, нуждающихся в судебном арбитраже, но не имеющих возможности к нему прибегнуть, %	10	45
Доля владельцев магазинов, сталкивавшихся с рэкетом за последние 6 месяцев, %	8	39
Доля владельцев магазинов, признающих необходимость "крыши" ("зонтика")	6	76

Составлено по: *Frye T., Shleifer A. Op. cit.*

Согласно социологическим опросам, в "грабеже" российских предпринимателей первоочередную роль играют государственные чиновники. Взявая довольно высокие налоги (порядка 30% от выручки), они не обеспечивают взамен предпринимателям сколько-нибудь эффективной поддержки. Регистрационные процедуры довольно длительны. Предприниматели реже, чем хотели бы, обращаются в суды для разрешения конфликтов, поскольку судебные процедуры длительны и дорогостоящи, а решения судов не всегда предсказуемы и не имеют обязательной силы. Государственные службы буквально терроризируют бизнесменов (особенно, мелких) требованиями мелочной отчетности (на нее уходит почти 20% рабочего времени руководителей фирм) и частыми инспекциями (в мелких магазинчиках Москвы, по данным опроса 1996 г., – в среднем полтора раза в месяц), участники которых считают своим святым долгом наложить штраф. Кредитная поддержка бизнеса находится в жалком состоянии. В такой ситуации даже честные чиновники (те, кто не берет взятки) воспринимались бы бизнесменами как грабители: уплатив государству налоги, предприниматель получает взамен не просто полное равнодушие к своим потребностям, а еще и лишние заботы. Такие налоги заставляют вспомнить "поминки", которыми Российское государство в XVI – XVIII вв. откупалось от слишком частых набегов крымских татар (по принципу "заплатишь – будешь иметь беду, не заплатишь – будешь иметь еще большую беду").

Однако честный, не вымогающий взятку чиновник в современной России рискует оказаться музейным экспонатом. Опросы свидетельствуют, что примерно 9 бизнесменов из 10 считают взяточничество повседневным явлением: давать "барашка в бумажке" приходится и при регистрации фирмы, и при регулярных "наездах" проверяющих инспекций. Взятки, с одной стороны, снижают издержки бюрократического надзора (вместо выполнения массы формальностей достаточно выполнить "просьбу" проверяющего инспектора). С другой стороны, повальное взяточничество приучает бизнесменов видеть в государственных чиновниках не доброжелательных помощников, а обладателей "лицензии на грабеж". Соответственно, и государственные служащие привыкают рассматривать свой пост как своего рода "кормление" (по образцу институтов средневекового Московского государства), не связанное к тому же с полезной деятельностью. Возникает одна из институциональных ловушек, когда сиюминутный выигрыш оборачивается тупиком в скором будущем.

Позиция рэкетира в компании лиц, запускающих жадные руки в карман предпринимателя, выглядит едва ли не наиболее благопристойно. Когда бизнесмен платит дань представителям организованной преступности, он знает, что идет на сомнительную сделку с заведомыми нарушителями закона, не прикрывающимися служебным удостоверением, а потому здесь не возникает искаженного представления об общественных функ-

циях. Частота столкновений с уголовным рэкетом оказывается примерно такой же, что и частота встреч с чиновниками-вымогателями.

Таблица 11.3

**Сравнение условий развития бизнеса
в пяти постсоциалистических странах, 1997 г.**

Условия деятельности предпринимателей	Польша	Словакия	Румыния	Россия	Украина
Налоги и др. платежи государству, % от выручки	19,4	20,2	22,0	29,9	31,4
Доля затрат рабочего времени менеджеров на официальную отчетность, %	10,3	11,8	8,0	18,3	25,4
Доля предпринимателей, полагающих, что для получения лицензии необходимы взятки, %	19,3	42,2	17,0	91,7	87,5
Доля предпринимателей, признающих, что правительственные службы вымогают взятки, %	20,0	38,0	20,0	91,0	87,0
Доля предпринимателей, признающих, что для защиты договоров надо обращаться в суд, %	72,9	67,9	86,9	58,4	54,7
Доля предпринимателей, получивших в минувшем году кредит, %	48,8	27,6	24,1	17,0	13,8
Доля предпринимателей, признавших, что фирмы платят мафии за защиту, %	8,0	14,9	0,6	92,9	88,8

Составлено по: *Johnson S., Kaufmann D., McMillan J., Woodruff C.* Why Do Firms Hide? Bribes and Unofficial Activity after Communism // <http://www.hhs.se/site/Publications/No150web.pdf>.

Таким образом, в постсоветской России мы видим не одну "грабящую руку", а целых три: бюрократа, который не помогает бизнесмену, но взимает с него налоги и выматывает административным контролем; взяточника, отказывающегося одобрять деятельность предпринимателя без "бакшиша"; рэкетира, обеспечивающего защиту прав собственности бизнесмена (часто – защиту только от насилия самого рэкетира) в обмен на уплату дани. Первые две социальные роли на практике обычно персонифицируются одним лицом – чиновники налагают на предпринимателей административную узду, чтобы затем иметь возможность ослаблять ее за личное вознаграждение. Такую ситуацию американский исследователь С. Фиш называет "экономикой рэкета": вымогательство у предпринимателей, постоянные посягательства на их права собственности становятся нормой действий и нелегальных, и легальных структур³. "Экономика рэкета" – это институциональная форма российского бизнеса второй половины 1990-х гг. Впрочем, схожие обстоятельства наблюдаются во всех постсоветских государствах, на фоне которых Россия выглядит еще отнюдь не худшей. Достаточно отметить, что, согласно оценкам западных экспертов, в ряду 10 республик по степени коррумпированности Россия находится где-то на предпоследних местах, уступая сомнительную честь быть лидерами коррупции кавказским и среднеазиатским "братьям по несчастью" (таблица 11.4).

Таблица 11.4

**Частота и размер взяток государственным чиновникам коммерческих компаний,
согласно исследованиям ЕБРР и ВБ, 1999 г.**

Страны	Доля компаний, дающих взятки, в %	Средний размер взяток, в % к годовому доходу компаний
Армения	40,3	6,8
Белоруссия	14,2	3,1
Грузия	36,8	8,1

³ *Fish M.S.* The Roots of and Remedies for Russia's racket economy // <http://socrates.berkeley.edu/~briewww/courses/sc/cp22/fish.html>.

Казахстан	23,7	4,7
Киргизия	26,9	5,5
Литва	23,2	4,2
Молдавия	33,3	6,1
Россия	29,2	4,1
Узбекистан	46,6	5,7
Украина	35,3	6,5

Источник: Российская Федерация сегодня. 2000. № 17. С. 27.

11.2 Препятствия для легальной защиты прав собственности

11.2.1 Негативный имидж российского бизнеса

Почему же отечественные предприниматели оказались в столь незавидном положении, когда все рассматривают их как объект вымогательства, но никто не спешит придти на помощь? Можно назвать много причин, препятствующих нормальной, легальной защите прав предпринимателей: низкая законопослушность россиян (традиция неправовой свободы); слабость и малоэффективность самих законодательных норм, направленных на защиту прав собственности; низкие ресурсы органов правопорядка, которые не в силах поддерживать даже те законодательные нормы, которые уже есть. Однако по большому счету все эти факторы трудно назвать первостепенными. Главная причина заключается в том, что большинство россиян (включая законодателей и стражей закона) просто не считают защиту бизнеса первостепенной задачей. В самом деле, с начала радикальных рыночных реформ прошло почти десятилетие, а степень защищенности предпринимателей если и улучшилась, то отнюдь не качественно.

Почему же беды предпринимателя в постсоветской России не считают объектом первостепенных забот? Для любого россиянина ответ не составит особого труда: **в бизнесменах видят не трудолюбивых производителей, а нахлебистых и аморальных хищников, грабить которых – не преступление, а своего рода восстановление социальной справедливости** ("экспроприация экспроприаторов").

Негативный имидж бизнесменов в глазах основной массы россиян можно, в принципе, принять за аксиому, не требующую доказательств в силу ее постоянного подтверждения повседневным опытом. Поскольку, однако, в науке доводы к самоочевидности не принимаются, сошлемся хотя бы на один из недавних социологических опросов. В Таблице 11.5 показаны результаты исследования, выполненного в 1998 г. в Санкт-Петербурге Центром социологических исследований факультета социологии СПбГУ. В его ходе респондентам, в частности, предлагалось ответить на открытый вопрос "Закончите следующее предложение: "В России, чтобы достичь успеха в бизнесе, нужно...". Большая часть опрошенных (47,4%) недвусмысленно называла такие качества, нужные, по их мнению, для занятия бизнесом, которые вызывают однозначно негативные ассоциации, – наличие "лапы", готовность нарушать нормы закона и морали, умение изворачиваться⁴. Петербуржцы, для которых занятие предпринимательством ассоциируется с положительными человеческими качествами, составили менее трети респондентов (30,9%).

Таблица 11.5

Мнения россиян о том, что необходимо для занятия бизнесом (по данным социологического обследования в Санкт-Петербурге, 1998 г.)

Характер названных факторов	Доля респондентов, давших ответы, в %	Совокупная доля респондентов по категориям ответов, в %
Негативные факторы		
Иметь связи, покровительство	17,3	47,4
Преступать закон	14,2	
Нарушать нормы морали	10,9	
Крутиться, приспосабливаться	5,0	
Неопределенные факторы		
Иметь деньги	16,6	28,4
Изменить жизнь в российском обществе	6,7	
Хитрость	2,0	
Победить преступность	1,8	

⁴ Долю тех, для кого бизнесмен неприятен, можно увеличить за счет респондентов, полагающих, что для успеха в бизнесе надо «изменить жизнь в российском обществе» и «победить преступность»: поскольку сейчас этих факторов еще нет, то те, кто в таких условиях все же занимается бизнесом, вряд ли заслуживает позитивной оценки.

Удача	1,3	
Позитивные факторы		
Обладать умом, творческими способностями	9,7	30,9
Иметь знания, навыки, опыт	7,6	
Иметь силу, волю, энергию, целеустремленность	6,2	
Работать	4,7	
Обладать честностью, порядочностью	2,7	

* В рубрику "Неопределенные факторы" сведены те ответы, в которых названы качества предпринимателей, не определяемые однозначно как позитивные или негативные.

Составлено по: *Безгодов А.В.* Очерки социологии предпринимательства. Под ред. Д.П. Гавры. СПб.: ООО "Издательство «Петрополис»", 1999. С. 201.

Таким образом, спустя десяток лет после начала интенсивного "воспитания" уважению к предпринимательской деятельности во "второй столице" России примерно половина людей считает бизнесменов скорее "проклятыми буржуями", чем "солью земли русской". Понятно, что в провинции, где народ живет победнее, чем в "столицах", и где либеральная ментальность укоренилась гораздо слабее, имидж бизнесменов еще менее привлекателен.

Если "бизнес" прочно ассоциируется с "криминалом" и "воровством", то вполне понятно, почему никто не торопится протянуть молодому российскому бизнесу руку помощи. ***Большинство явно или неявно считает предпринимателей своего рода "легальными преступниками" и уверено, что относиться к ним надо именно в соответствии с криминальными "понятиями", то есть по принципу "права силы".***

11.2.2 *Этот криминальный, криминальный, криминальный российский бизнес*

В какой степени, однако, оправдан негативный имидж российского бизнеса? Быть может, отечественные предприниматели – "без вины виноватые"? Нет, российских предпринимателей трудно назвать невинными овечками. Представления "простых людей" о предпринимателях как о жуликах, увы, не слишком расходятся с реальным положением дел.

Действительно, в 1990-е гг. главным генератором криминогенности в России стал именно молодой бизнес. Кажется, будто отечественные предприниматели задались специальной целью подтвердить крылатую фразу из "Золотого теленка", что "все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем". Впрочем, складывается впечатление, что и не слишком крупные наживаются примерно таким же образом.

Криминальность в поведении российских бизнесменов можно проследить по трем направлениям: отношения с клиентами, отношения с государством, отношения с коллегами по бизнесу.

Что касается отношений с клиентами, то здесь на поверхности наиболее заметен банальный, но массовый их обман. Хрестоматийным примером может быть история с "МММ", после которой у десятков тысяч людей ненависть к бизнесменам стала своего рода условным рефлексом. Если, однако, глубже рассмотреть главные источники доходов новых "акул бизнеса", то выяснится, что само первоначальное накопление капиталов в конце 1980-х — начале 1990-х годов было основано именно на злоупотреблениях по отношению к рядовым гражданам. В экономической теории широко используется термин "*рентоориентированное поведение*" — так называют погоню за прибылью, извлечение которой основано не на конкуренции за рубль покупателя, а на использовании каких-либо привилегий. Зарубежные исследователи "загадочной России" давно отмечают, что в начале 1990-х годов Россия превратилась буквально в "рай для присвоения ренты". По оценке А. Ослунда, в 1992 г. рентные доходы превышали 80% российского ВВП (в т. ч. 30% — от спекуляции энергоресурсами и металлами, еще 30% — от льготных кредитов)⁵. Это "рентоискательство" заложило фундамент практически всех крупных состояний: по существу, оно стало перераспределением национального богатства в пользу "новых русских". Поскольку подобное предпринимательство деструктивно для общества (выгоды "рентоискателей" — это потери остальных членов общества), то вполне естественно, что рядовые граждане считают такой бизнес криминальным, даже если формально нарушения правовых норм и не происходит.

Хотя без негласной санкции правительства радикал-реформаторов массовое извлечение ренты в принципе было бы невозможным, в отношениях с правительством бизнес тоже не придерживается честных "правил игры". Уклонение от регистрации сделок и уплаты налогов, подкуп правительственных чиновников, тайный вывоз капиталов за рубеж — все это стало настолько заурядным, что воспринимается как часть профессиональных навыков для тех, кто решает плавать в мутной воде бизнеса. Сошлемся для примера хотя бы на данные о масштабах неоформленных сделок: их доля в выручке отечественных предпринимателей составляет по оптимистическим оценкам порядка 8 – 15%⁶, а по пессимистическим — около 30%⁷. В 1994 г. российское правитель-

⁵ Ослунд А. «Рентоориентированное поведение» в российской переходной экономике // Вопросы экономики. 1996. № 8. С. 99 — 108. О рентоискательстве в российской переходной экономике см. также: *Притцль Р.* Коррупция, рентоориентированное поведение и организованная преступность в России // Политэконом – Politekonom. 1997. № 1. С. 64 – 76.

⁶ Неформальный сектор в российской экономике. М.: Институт стратегического анализа и развития предпринимательства, 1998. С. 72, 107. Данные относятся к 1997 г.

⁷ *Johnson S., Kaufmann D., McMillan J., Woodruff C.* Op. cit. Эти данные относятся также к 1997 г.

ство считало, что более 42% фирм не могут считаться легитимными, поскольку не платят налогов и даже не имеют официального разрешения заниматься бизнесом⁸. Российская экономика быстро приобрела "пестрый" характер — настолько тесно в ней официальная деятельность переплетается с неофициальной, "теневой".

Наконец, и в отношениях друг с другом бизнесмены не склонны быть слишком щепетильными. По данным анкетного опроса российских предпринимателей, проведенного в 1997 г. под руководством В.В. Радаева, с нарушениями деловых обязательств сталкиваются 82% предпринимателей, из них 50% — иногда, а 32% — часто⁹. Систематическое нарушение деловых обязательств и нечестная конкуренция естественным образом дополняются (и ограничиваются) использованием услуг мафии для выбивания долгов и устранения конкурентов. Предпринимателей убивают едва ли не так же часто, как главарей мафиозных группировок, что заставляет усомниться в существовании заметных различий между легальным и мафиозным бизнесом¹⁰.

Возникает вопрос: почему в российском бизнесе девиантное (с точки зрения нормального рядового гражданина) поведение выступает скорее правилом, чем исключением? Часто это объясняют тем, что правительство навязало предпринимателям "правила игры", честно соблюдать которые просто невозможно (очень сильный "налоговый пресс", слабая законодательная база, низкая эффективность реальной правоохранительной деятельности и т. д.). В таком объяснении есть большая доля истины. Однако тогда остается непонятным, почему отечественные предприниматели и прочие россияне без особого возмущения приняли подобные "правила" и "играют" по ним уже лет десять. Для понимания глубины проблемы зададимся вопросом: в какой степени российская экономическая ментальность *в принципе* признает и одобряет бизнес как индивидуальное стремление к обогащению?

11.2.3 Роль экономической культуры в развитии предпринимательства

Когда российские "шокотерапевты" начинали реформы, то они были твердо убеждены, что, подобно тому, как вода всюду течет сверху вниз, реформирование экономики любой страны происходит на основе универсальных рецептов неоклассического "экономикса". Неудачи радикальных рыночных реформ в России стали началом разочарования в универсализме неоклассических рецептов. В наши дни становится очевидным: методов "лечения" экономики, в равной степени пригодных и для Америки, и для Японии, и для Новой Гвинеи, к сожалению, нет. Дело в том, что развитие любой экономической системы (рыночной ли, командной или смешанной) в какой-либо конкретной стране ограничено рамками национальной экономической культуры, которая во многом определяет лицо национальной модели экономики.

Экономическая (хозяйственная) культура (экономическая ментальность) есть совокупность стереотипов и ценностей, влияющих на хозяйственное поведение. Эти стереотипы и ценности являются общими для крупных социальных общностей (этносов, конфессий). Национальная хозяйственная культура нематериальна и часто трудноуловима, но именно она определяет форму развития экономических систем в той или иной стране (подробнее см. главу 2). Ее изменения очень медленны, поэтому, например, экономика переживающей НТР Японии имеет множество особенностей, роднящих ее скорее с хозяйственным строем доиндустриальной Японии, чем современной Америки.

Важнейшим компонентом экономической культуры являются господствующие представления об этически допустимых ("правильных") формах и образцах поведения, которые становятся фундаментом правовой культуры. Национальная экономическая культура (ментальность) обуславливает, в свою очередь, специфику развития преобладающих форм криминального поведения.

Каковы культурологические основы современного рыночного хозяйства? Вспомним полемику по этому поводу между двумя великими немецкими экономистами-социологами рубежа XIX — XX веков **Максом Вебером** и **Вернером Зомбартом**.

В. Зомбарт считал "духом" капитализма всякое стремление к получению денежного богатства¹¹. В таком случае предпосылкой развития капитализма, по Зомбарту, является стремление к роскоши, расточительству, престижному потреблению. Перечисляя основные типы капиталистических предпринимателей, он называл среди них разбойников и феодалов, спекулянтов и купцов.

Напротив, М. Вебер отмечал, что объяснять сущность буржуазного предпринимательства только лишь "стремлением к денежному богатству" принципиально недостаточно¹². Он выделил два качественно различных типа "стремления к наживе": один основан на использовании различных форм насилия (обман, грабеж, взятки и

⁸ Известия. 1994. 19 октября. Цит. по: *Дюамель Л.* Экономическая преступность как стимул экономических и политических реформ в России (по материалам российской прессы) // Социально-политический журнал. 1997. № 3. С. 230.

⁹ *Радаев В.* Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики // Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999. С. 43.

¹⁰ Только в 1993 г., по данным МВД, было убито 10 руководителей крупных банков. Международная комиссия экспертов в 1994 г. вообще пришла к выводу, что Россия — самая опасная страна в мире для бизнеса (*Дюамель Л.* Ук. соч. С. 223). К концу 1990-х гг., после завершения первичного раздела собственности и сфер влияния, «правила игры» в российском бизнесе стали менее смертоносными, однако и к началу III тысячелетия они остаются, по международным стандартам, вопиюще криминальными.

¹¹ «В направленном на получение прибыли капиталистическом предприятии заключены имманентные его природе тенденции развития безграничной и беспощадной наживы» (*Зомбарт В.* Буржуа. М.: Наука, 1994. С. 272).

¹² *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 47 — 48.

т. д.), другой — на использовании добровольного и взаимовыгодного обмена. Жажда наживы любой ценой, по его мнению, не только не является буржуазной, но, напротив, тормозит развитие нормального рыночного хозяйства. "Повсеместное господство *абсолютной* беззастенчивости и своекорыстия в деле добывания денег, — подчеркивает Вебер, — было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются «отсталыми» по западноевропейским масштабам"¹³. Формирование "нормального" капитализма возможно, по Веберу, только там и тогда, где и когда побеждает мораль "честной наживы", предполагающая взаимовыгодность экономических отношений для всех ее участников. Если капитализм "по Зомбарту" имманентно предполагает принцип "не обманешь — не продашь", то капитализм "по Веберу" основан на морали "честность — лучшая политика".

Экономическая история XX века, когда к рыночному хозяйству стали приобщаться страны "третьего мира", предоставила обильный материал для сравнения возможностей развития капитализма "по Зомбарту" и "по Веберу". Там, где бизнес приобретал черты своеобразного общественного служения (это, прежде всего, регион конфуцианской цивилизации), рыночное хозяйство развивалось весьма эффективно, ускоряя развитие общества. Если же предпринимательство воспринималось как своекорыстная нажива любой ценой (как, например, во многих странах Африки), то рыночное хозяйство приобретало форму нароста, паразитирующего на национальной экономике. Сама история вынесла своеобразный вердикт: ***чтобы предпринимательство стало основой экономической жизни общества, оно должно иметь в глазах большинства населения имидж честного и достойного занятия.***

11.2.4 Этическая оценка предпринимательства в российской экономической культуре

Когда радикал-реформаторы в 1992 г. закладывали на долгие десятилетия вперед фундамент российской модели переходной экономики, то за желаемый образец явно или неявно брали американское хозяйство. Американская либеральная модель рыночного хозяйства есть наиболее чистое выражение идеологии "протестантской этики" с характерными для нее фигурой *himselfmademan*'а (в буквальном переводе — "человек, который сделал себя сам") как образцом жизнедеятельности и культом "честной наживы". Но в какой степени эти этические нормы совместимы с российской культурой¹⁴?

Существует ли в российской экономической культуре благожелательное отношение к деятельному индивиду, обязанному своей карьерой только самому себе? Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить, насколько велика в российской культуре ценность индивидуализма. Мнение, что русские, в отличие от западноевропейцев и тем более американцев, ставят коллективистские ценности намного выше индивидуалистических, встречается настолько часто, что его можно считать тривиальной банальностью. Сравнительные этнокультурологические исследования в общем подтверждают эту точку зрения. Англо-саксонские страны (США, Великобритания, Австралия), где доминирует протестантская этика, характеризуются самыми высокими индексами индивидуализма, в странах Западной Европы с преобладанием католицизма индивидуализм развит слабее, еще слабее — в конфуцианских и мусульманских странах Азии и в православной Восточной Европе¹⁵. ***При слабости индивидуалистических ценностей *himselfmademan* воспринимается большинством окружающих как выскочка, который делает свою карьеру, "идя по головам".*** Естественно, что в таких условиях бизнесмен классического типа — бизнесмен как единоличный лидер — выглядит этической аномалией, антиобщественным элементом.

Существует ли, далее, в российской экономической культуре качественное разграничение "честного" и "нечестного" бизнеса? И на этот вопрос также придется дать отрицательный ответ. Дело отнюдь не сводится к тому, что в советскую эпоху жажда богатства клеймилась как моральное извращение. Характерная деталь: в классической русской литературе XIX века нет буквально ни одного вполне положительного образа предпринимателя, зато отрицательных — сколько угодно. Дореволюционные русские писатели, от А.С. Грибоедова до А.П. Чехова, считали людей, отдавших свои силы презренной материальной наживе, "мертвыми душами", рядом с которыми даже лентяй Обломов выглядит положительным персонажем¹⁶. Ничего похожего на поэтизацию предпринимательства в духе О. Бальзака, Дж. Лондона и Т. Драйзера в отечественной литературе нет и в помине. Схожую картину рисует знакомство с русским фольклором: среди народных пословиц многие осуждают погоню за богатством (сошлемся лишь на общеизвестное "От трудов праведных не наживешь палат каменных"), но трудно найти ее одобряющие. О чем-либо, похожем на "Поучения Простака Ричарда" Б. Франклина, не может быть и речи. Можно, видимо, утверждать, что традиционная российская (православная?) ***экономическая ментальность в принципе не знает понятия "честная нажива" и склонна негативно оценивать любые способы индивидуалистического обогащения.*** Конечно, в советский период это осуждение инди-

¹³ Там же. С. 78.

¹⁴ Вопрос об общей специфике экономической ментальности россиян ранее уже освещался в разделе I. В данной главе рассматривается один из ее частных аспектов — отношение к бизнесу и предпринимательству.

¹⁵ Сошлемся на классическое исследование Г. Хофстеда, проанализированное в главе 2. Следует оговориться, что конфессиональная принадлежность — отнюдь не единственный фактор, определяющий культурные стереотипы граждан какой-либо страны и тем более отдельного индивида.

¹⁶ Характерный пример — история создания «Мертвых душ»: пока Н.В. Гоголь описывал «хищников-приобретателей», его талант не знал препятствий, но когда автор захотел во втором томе показать «добродетельного откупщика», труд оказался бесплодным.

видуалистического стремления к достатку не могло не усилиться, но семена падали на хорошо подготовленную почву.

В принципе современная ситуация в российском бизнесе не так уж сильно отличается от ситуации в той "России, которую мы потеряли". Специалисты по экономической истории хорошо знают, что отечественные предприниматели дореволюционного периода также не служили образцом морального образа действий. "Рентоискательство" у власть имущих, обман покупателей и продавцов, ложные банкротства были вполне обычными явлениями, а "честный бизнес" конфессиональных меньшинств (старообрядцы, евреи) — исключением, подтверждающим общее правило. Современное развитие бизнеса происходит, однако, в условиях более низкой правовой защищенности (у "купцов-аршинников" взятки мог вымогать городничий или городской, но не уголовный рэкети́р), потому девиантное поведение предпринимателей проявляется в более явных, откровенных формах, чем в дореволюционный период.

11.2.5 Криминальность бизнеса как следствие культурологического стереотипа

Говорят, будто с падением коммунистического режима исчезли и "советские" предрассудки о "греховности" индивидуального обогащения. На самом деле российская традиция этического осуждения погони за богатством не исчезла, а приобрела превращенную форму.

"Прорабы реформ" были в известном смысле революционерами, стремясь сделать индивидуалистический бизнес вместо третируемой аномалии одобряемой нормой. Но, как это часто бывает у революционеров, они, не замечая того, находились в плену у тех культурных норм, с которыми боролись. Изначально, в полном соответствии с российской традицией, *либеральные радикал-реформаторы не видели принципиальной разницы между "честным" и "бесчестным" бизнесом, равно приветствуя любое частное предпринимательство. При отсутствии этики бизнеса и господстве представлений о заведомой аморальности бизнеса это было воспринято (не могло не быть воспринято) как разрешение "делать деньги" любыми средствами*¹⁷. Иначе говоря, российские реформаторы решили строить "капитализм" не по Веберу, а по Зомбарту.

Предпринимательство стало легальным и официально одобряемым, однако культурологический стереотип, представляющий занятие бизнесом как этическую аномалию, продолжает действовать. Человек, решившийся стать предпринимателем, сразу попадает в ситуацию *морального вакуума: для подавляющего большинства россиян бизнес (любой бизнес!) однозначно ассоциируется не столько с "трудолюбием" и "инициативностью", сколько с "нечестностью" и "обманом"*. Начинаящий предприниматель априори подвергнут со стороны общества моральному осуждению, и сам на себя он не может не смотреть как на лицо, стоящее во многом за чертой общепринятых норм. *Поскольку бизнесмен обречен (независимо от своего личного поведения) олицетворять для сограждан вора и жулика, то у него отсутствуют этические "тормоза"*¹⁸. *Заранее "осужденный", он с легкостью совершает противоправные действия: его уже подвергли моральному ostracismu, и потому действительно совершаемые правонарушения мало вредят его репутации*¹⁹. Бизнесмен не стесняется действовать против общества, общество (в лице правительства или отдельных индивидов) также не стесняется действовать против любого предпринимателя, не разбирая правых и виноватых.

¹⁷ Мы исходим из предпосылки, что реформаторами руководили идейные, а не узко своекорыстные мотивы. Если же трактовать радикальные реформы как серию преступлений, сознательно совершаемых жаждащими денег и власти демагогами, то наше объяснение будет относиться не к правящей элите, а к избирателям, одобряющим своим молчаливым согласием подобные мероприятия.

¹⁸ Приведем один маленький, но красочный пример, показывающий, каковы этические нормы современных отечественных бизнесменов. В своих воспоминаниях А. Паникин, один из предпринимателей «первой волны» 1980-х гг., так пишет о начале своей карьеры в бизнесе: «Мне всегда нравилось придумывать способы зарабатывания денег. Первый опыт состоялся еще во втором классе. Далекий 1958 год. Изобретенная мной нехитрая проволочная ловушка не давала монетам сваливаться в поддон уличного телефонного аппарата. Когда на вызов не отвечали и соединения не было, они накапливались в приемнике. Утром ставил капканы, после занятий собирал добычу.» (Паникин А. Записки русского фабриканта // Новый мир. 1997. №11. С. 156.) В этом признании шокирует не то, что известный бизнесмен в детстве воровал пятаки (у кого не было грехов юности?), а то, что началом своего бизнеса он считает именно этот эпизод, а не, например, перепродажу дефицитных билетов, чем стал подрабатывать чуть позже. Всем известен американский миф о малолетнем чистильщике обуви, который затем стал миллионером. Наши «мальчишки», как видно, считают началом своих миллионов, образно выражаясь, не те деньги, что были уплачены обладателями чистых ботинок, а те, что были украдкой ими вытащены из карманов зазевавшихся клиентов.

¹⁹ В литературе можно встретить указание, что в 1994 г. 40% предпринимателей России занимались нелегальным бизнесом, против 22,5% из них выдвигались обвинения и 25% были связаны с преступным миром (Известия. 1994. 7 сентября. Цит. по: Дюамель Л. Ук. соч. С. 227). Даже если это преувеличение, оно показывает, во что готовы верить россияне, читая об отечественных «капитанах бизнеса».

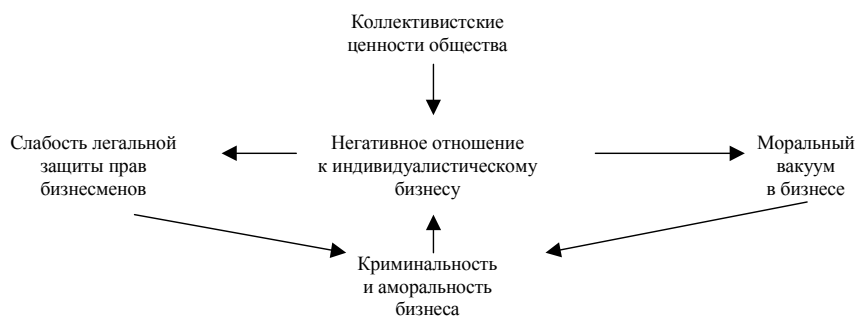

Рис. 11.1. Порочные круги отчуждения российского бизнеса от общества.

Таким образом, *главную причину криминальности российского бизнеса* и, соответственно, слабости легальной защиты прав бизнесменов *мы видим не столько в ошибках правящей элиты, сколько в принципиальной рассогласованности ценностей классического либерализма и российских культурных традиций*²⁰. Попытка механически привить к российской "почве" западную модель индивидуалистического бизнеса оборачивается тотальной криминализацией экономики. Российская экономическая этика неизбежно провоцирует развитие в процессе рыночных реформ криминального капитализма, который, в свою очередь, закрепляет стереотип аморальности предпринимательства. Образуются порочные круги (см. рис. 11.1), обрекающие отечественного предпринимателя на незавидную роль "чужого среди своих", к которому испытывают сложную смесь чувств зависти и брезгливости и к которому ни официальные лица, ни рядовые граждане не торопятся прийти на помощь²¹.

11.3 Нелегальная защита прав собственности

В условиях, когда предприниматель не может рассчитывать на сколько-нибудь существенную поддержку официальных инстанций в защите своих прав собственности, ему приходится искать суррогаты государственной системы. Спрос на нелегальную защиту прав собственности бизнесменов не мог не породить предложения. Сформировавшаяся в России теневая система защиты прав собственности получила название "крыша", которое на протяжении 1990-х гг. постепенно входит в международный лексикон, как ранее в него вошли "колхоз", "ГУЛаг" и "спутник".

Можно выделить три направления "крышестроительства": использование покровительства организованной преступности ("бандитские крыши"), создание частных служб безопасности (коммерческие "крыши") и, наконец, использование неформального покровительства официальных правоохранительных органов ("милицейские крыши")²². В каждом из этих случаев наблюдается *ползучая приватизация правоохранительной деятельности* – перетекание реального выполнения этой функции в руки внесударственных институтов.

11.3.1 Бандит как защитник прав собственности

Исторически и логически первичной формой теневой защиты прав собственности предпринимателей в России могла быть только "бандитская крыша". Как уже указывалось в начале данной части, предпринимательство в России стало зарождаться еще в советский период, когда примерно с 1960 – 1970-х гг. "цеховики" и спекулянты начали создавать настоящие подпольные фирмы. Естественно, новоиспеченные "буржуи" сразу оказались под пристальным вниманием отечественного криминалитета. Первоначально отношения между подпольными миллионерами и уголовниками повторяли сюжет "Золотого тельца", причем для облегчения мощны но-

²⁰ Знаменитый американский экономист М. Фридмен объяснял рост преступности в США 1950-х – 1970-х гг. схожим образом — изменением общественных представлений о богатстве и бедности. Согласно традиционным для Америки нормам протестантской этики, бедность или богатство есть результат собственных пороков или заслуг индивида. Когда же стало распространяться представление, будто бедность отдельных людей есть порок общества, а богатство — своеобразный «выигрыш в общественной лотерее», то появилось много желающих изменить результаты этой лотереи, отнимая чужую собственность (Friedman M. and R. Tyranny of the status quo. San Diego etc., 1984. P. 134 — 135). Современная ситуация в России отличается от описанного М. Фридменом тем, что в нашей стране практически *всегда* бедность считалась меньшим пороком, чем богатство, а потому контраст богатства и бедности создает гораздо более криминогенную обстановку.

²¹ Подробнее этические проблемы российского бизнеса рассмотрены в главе 2.

²² Хотя институты нелегальной защиты прав собственности предпринимателей развиваются в нашей стране довольно давно, теоретическим осмыслением этого явления пока занимается единственный исследователь – В.В. Волков из Санкт-Петербурга: Волков В.В. Силовое предпринимательство в современной России // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 56 – 65; Он же. Политэкономия насилия, экономический рост и консолидация государства // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 44 – 59. Что касается сбора и обобщения эмпирической информации, то лучшим образцом следует считать работу В.В. Радаева: Радаев В.В. О роли насилия в российских деловых отношениях // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 81 – 100.

воявленных Корейко использовались методы не столько артистичного Остапа Бендера, сколько недалекого Паниковского. Когда бандиты "наезжали" на теневого дельца и забирали у них все, что только можно, те, понятное дело, не рисковали обращаться в милицию. Однако противостояние теневых предпринимателей и криминалитета долго продолжаться не могло, поскольку объективно не было выгодно ни тем, ни другим.

Важным рубежом в экономической истории отечественной организованной преступности стала совместная сходка "воров в законе" и "цеховиков" в 1979 г. в Кисловодске, когда неорганизованные поборы были заменены планомерной выплатой подпольными предпринимателями 10% от их доходов в обмен на гарантированную безопасность от преступного мира²³. "Кисловодская конвенция" первоначально действовала только в южных регионах СССР, где подпольное предпринимательство цвело особенно пышно, но затем постепенно стала тем образцом, по которому строились отношения теневых предпринимателей с уголовниками и в других регионах.

С тех пор и по сей день основным видом доходов российской организованной преступности остается рэкет – взимание поборов за безопасность сначала с нелегальных, а с конца 1980-х гг. – и с большинства легальных предпринимателей. Поскольку новоиспеченные предприниматели не получали сколько-нибудь существенной правовой поддержки, они были обречены оказаться "в объятиях" мафии. К середине 1990-х гг. под контролем "бандитских крыш" находилось, по некоторым оценкам, около 85% коммерческих предприятий – в сущности все, кроме занятых охранным бизнесом или работающих под прямой протекцией правоохранительных органов²⁴. Впрочем, подобную оценку можно считать существенно завышенной по принципу "у страха глаза велики": по данным социологических опросов предпринимателей, с силовыми вымогательствами лично сталкиваются только 30-45%²⁵. Это можно объяснить тем, что подавляющая доля предпринимательских единиц является крайне мелкими и неустойчивыми, поэтому у их руководителей не возникает особой нужды в защите, а у бандитов – желания обкладывать их данью.

Введенная "кисловодской конвенцией" бандитская "десятина" превратилась в устойчивый компонент издержек российского предпринимательства: в начале 1990-е гг. А. Лившиц оценил потери коммерческих структур от рэкета той же цифрой – 10%²⁶. Когда криминальные авторитеты помогают своим подопечным "налаживать отношения" с нерадивыми должниками, то "крыша" забирает еще 50% от суммы возвращенного долга. Поскольку использование альтернативных легальных институтов в защите прав собственности предпринимателей остается крайне малорезультативным, подобные тарифы признаются приемлемыми. Возмущение у бизнесменов вызывают не регулярные платежи как таковые, а нередкие случаи, когда криминальные правоохранители теряют чувство меры и назначают за свои услуги слишком высокую дань, либо стремятся полностью подчинить контролируемые фирмы. Если же криминальные правоохранители имеют "чувство меры", то российские предприниматели сами ищут с ними контактов, не дожидаясь визита криминальных "инспекторов"²⁷. К середине 1990-х гг. в России сформировалась настоящая система "криминальной юстиции", выполняющая функции полиции, арбитража и судебных исполнителей. Высокая плата за ее услуги во многом компенсировалась скоростью и безусловностью решений²⁸.

Отношения предпринимателей и криминальных правоохранителей существенно варьируются в зависимости от масштабов фирм.

Мелкие предприниматели не в силах использовать какие-либо альтернативные механизмы защиты своих прав и потому они наиболее беззащитны перед мафиозным "беспределом". Свободно выбирать, покровительство какой группировки более выгодно, предприниматель не может, поскольку рэкет-бизнес организован по принципу локального монополизма типа картеля. Единственная "инстанция", в которой теоретически можно обжаловать действия слишком нахрапистого "защитника", – это криминальный авторитет более высокого ранга, контролирующий данную территорию или вид бизнеса. Вполне понятно, что "волки" помогают "овцам" лишь тогда, когда это выгодно самим "волкам". Довольно действенной защитой от чрезмерных посягательств для многих предпринимателей служит сама незначительность их бизнеса, не вызывающая особого аппетита у бандитов и позволяющая при необходимости уйти из зоны контроля "отморозков".

²³ Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990. С.169.

²⁴ Гуров А. Красная мафия. М.: Самоцвет, МИКО «Коммерческий вестник», 1995. С.315.

²⁵ Радаев В.В. О роли насилия в российских деловых отношениях // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 84.

²⁶ Лившиц А. Экономическая реформа и ее цена. М., 1994. С.114. Впрочем, в литературе встречаются и более высокие оценки средней величины охранной дани – 20-30% прибыли (Сафонов В.Н. Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб.: СПбИВЭСЭП; О-во «Знание», 2000. С. 104).

²⁷ Шабалин В.А. Организованная преступность в России: взгляд из Америки // Государство и право. 1996. № 1. С. 92; Сафонов В.Н. Ук. соч. С. 208.

²⁸ «Взамен слишком слабой государственной системы была создана параллельная, - отмечает канадский ученый Л. Дюамель. – Отмечается, что 14 из 15 случаев вымогательства касаются предприятий, которые принуждаются криминальным миром выполнять свои обязательства по отношению к другим фирмам. Эта система занимается урегулированием спорных вопросов между предпринимателями. Если такие спорные вопросы являются очень сложными, то криминальный мир нанимает юристов, которые принимают решение, не подлежащее обжалованию и обязательное для выполнения. Хотя жулики забирают, как отмечают бизнесмены, "половину наших денег, это их тариф. Но они решают вопрос за один день» (Дюамель Л. Ук. соч. С. 230 – 231).

Чем крупнее фирмы, тем чаще "бандитская крыша" становится лишь одним из субститутов, наряду с частными службами безопасности и "милиейскими крышами". Для большого бизнеса бандитские авторитеты становятся обыкновенными наемниками, которых используют для отдельных поручений. Характерна в этом отношении судьба знаменитого "вора в законе" В.И. Иванькова ("Япончика"): в конце 1960-х – начале 1970-х гг. он в составе банды Г.А. Карькова ("Монгола") грабил "цеховиков", ювелиров и антикваров; в начале 1980-х гг. "Япончик" этим промыслом занимался уже во главе собственной банды; в начале 1990-х гг. он эмигрирует в США, где в 1995 г. был арестован за выбивание долгов для банка "Чара". Эту криминальную биографию можно считать своего рода символом изменения ролей во взаимоотношениях отечественных бизнесменов и бандитов.

Усиливающаяся конкуренция со стороны "коммерческих крыш" и "милиейских крыш" неизбежно ведет к тому, что после бурного всплеска первой половины 1990-х гг. криминальное силовое предпринимательство постепенно возвращается к исходной ситуации, существовавшей до легализации бизнеса. **К концу 1990-х гг. под "бандитскими крышами" остаются в основном те сегменты рынка, где высока доля нелегальных операций и где оплата происходит наличными** (прежде всего, это сфера розничной торговли). Сохранению "бандитских крыш" в ситуациях, когда их использование становится для бизнесмена невыгодным, способствует нерыночный характер взаимоотношений между "защитником" и охраняемым, которому крайне трудно разорвать ранее заключенный неформальный контракт с мафией без помощи альтернативных правоохранительных служб (по принципу "вход – рубль, выход – два")²⁹.

11.3.2 Защита бизнесменов – дело рук самих бизнесменов

Монополия бандитов на охраняемый бизнес стала давать трещины, когда в начале 1990-х гг. в предпринимательство пошли уже не отчаянные авантюристы, а бывшие номенклатурщики высоких рангов. **"Бандитская крыша" хороша для защиты от мелкой шпаны и от других уголовников, но вряд ли ей по плечу противодействие используемым крупным бизнесом современным методам "грязной" конкуренции, включающим воровство информации, переманивание специалистов, силовое устранение конкурентов руками наемных киллеров и т.д.** Поэтому крупный бизнес предъявил спрос на "крыши", чьи работники имеют не только грубую силу, но и ум, умение использовать специальную аппаратуру, многие особые навыки. Одновременно появилось и предложение нужных кадров: после крупных реорганизаций КГБ/ФСБ, МВД и армии из силовых структур толпами стали уходить, по своей и не по своей воле, многие профессионалы, желающие найти новую работу в соответствии со своей квалификацией, но за "настоящие деньги"³⁰. Первые частные охраняемые агентства сформировались еще в 1991 г. под вывеской сыскных бюро, в 1992 г. частная охраняемая деятельность была официально узаконена. Таким образом, охрана легальных предпринимателей быстро сама стала одной из отраслей предпринимательской деятельности, дающей занятость десяткам тысяч специалистов.

Использование услуг частных охранников – из собственной службы безопасности или нанятых из агентства — имеет ощутимые преимущества в сравнении с "бандитской крышей". Во-первых, их услуги обходятся заметно дешевле: если бандиты за возврат долга берут 50%, то частные агентства – 15-40%³¹. Во-вторых, почти отсутствует риск, что защитник решит "подмять" того, кого он защищает. В-третьих, нет моральных издержек от сотрудничества с уголовниками (впрочем, эти соображения волнуют наших предпринимателей, кажется, менее всего). Слабой стороной использования этой формы защиты является необходимость постоянных и крупных расходов на оплату квалифицированных специалистов и на специальное оборудование – независимо от того, есть ли необходимость в их использовании в данный момент времени. Данная ситуация отчасти схожа со страховкой: платежи идут, а страхового случая может не наступить. Однако в отличие от страховки само наличие служб безопасности предотвращает возможные покушения на права собственности.

Можно усомниться в правомерности рассмотрения "коммерческих крыш" как разновидности нелегальной защиты прав собственности. Однако специалисты указывают на сходство методов их работы именно с криминальными силовыми структурами – угрозы распространения компромата на противников, постоянные контакты с бандитами в поисках приемлемого консенсуса. Проверка частных охраняемых фирм, проведенная МВД во второй половине 1998 г., показала, что каждое пятое из них занималось незаконной деятельностью³². Еще более криминализированной должна быть работа служб собственной безопасности крупных фирм, поскольку они работают на одного клиента и избавлены от пристального надзора МВД. Официальный статус "коммерческих крыш" все же является сильным ограничителем использования ими откровенно "грязных", нелегальных методов.

²⁹ Согласно данным организованного В.В. Радаевым социологического опроса предпринимателей, 3/4 тех, кто начал платить рэкетирам при создании своей фирмы, не находят сил впоследствии освободиться от них (*Радаев В.В. О роли насилия в российских деловых отношениях. С. 84*).

³⁰ Есть версия, что переход многих офицеров в коммерческие службы безопасности был частью целенаправленной политики спецслужб по установлению контроля над бизнесом в корыстных целях. См.: *Waller J.M., Yasmann V.J. Russia's Great Criminal Revolution: the Role of the Security Services // Journal of Contemporary Criminal Justice. Vol. 11. № 4. December 1995.*
Адрес в Интернете: <http://www.afpc.org/issues/crimrev.htm>.

³¹ *Полянский А. Выше «крыши» // Эксперт. 1996. № 2. С. 20.*

³² *Демин В. Силовые методы российского бизнеса // http://www.bdi.spb.ru/6-98/sil_method.htm.*

Последним словом в силовом предпринимательстве стало исполнение ролей нелегальных защитников прав собственности самими официальными стражами порядка. Конечно, определенная связь бизнеса с работниками МВД и иных органов наблюдалась еще в советские времена, когда теневые предприниматели были вынуждены подкупать стражей порядка, чтобы те глядели на их деятельность сквозь пальцы. Однако к концу 1990-х гг. ситуация принципиально меняется: *нелегальные услуги работников охраны порядка используют легальные предприниматели, причем речь идет уже не об оплате невмешательства, а о выполнении за плату того, чем эти работники должны были бы и так заниматься по долгу службы.*

Важную роль в вовлечении официальных служителей закона в коммерческую правоохранительную деятельность сыграли охранные агентства: отставные сотрудники органов сохраняли активные контакты с оставшимися на службе, используя их возможности за дополнительную плату. *Соблазненные высокими доходами своих бывших коллег*, которые не шли ни в какое сравнение с весьма скудной зарплатой работников милиции и иных органов, *официальные стражи порядка постепенно стали по собственной инициативе использовать свое служебное положение для неофициальной правоохранительной деятельности на коммерческих началах.* В создавшихся условиях такой выбор, с экономической точки зрения, абсолютно оправдан; немалое количество "чудаков", занимающихся охраной порядка исключительно за зарплату, своим существованием лишь доказывают, что в России еще далеко не все ведут себя в соответствии с моделью "человека экономического".

"Милицейская (фээбэшная, руповская и т.д.) крыша" является, с точки зрения нуждающихся в защите предпринимателей, наилучшей разновидностью силового предпринимательства. *Как и при использовании услуг охранных агентств, защита предоставляется за более низкую плату и с меньшим риском для самого бизнесмена. Качество же защиты оказывается еще более высоким:* работающие в органах могут бесплатно использовать служебные базы данных и спецоборудование, легко маскировать выполнение заказов своих клиентов ретивым выполнением прямых служебных обязанностей (например, устраивать "охоту" именно на тех бандитов, которые угрожают опекаемым ими бизнесменам). Поэтому помощь "милицейских крыш" превращается в дефицитное благо, которое распределяется не столько по рыночному принципу "тем, кто больше заплатит", сколько по советскому принципу "своим людям" (тем, кто имеет своих, лично знакомых людей в органах)³³.

Законность действий нелегальных защитников бизнеса из числа людей в мундирах весьма относительна. Не говоря уже о незаконности самого использования служебного положения в целях личного обогащения, *многие работники органов с избытком используют* в этой роли те "милые" *традиции советских времен, которые уже давно заставляют простого обывателя бояться милиции едва ли не сильнее бандитов, – избивание задержанных, фальсификацию улик, выбивание признаний побоями и т.д.* "Милицейские крыши" могут использовать силовые методы, пожалуй, даже несколько свободнее "бандитских крыш", поскольку официальные лица имеют вполне законное право на применение насилия, границы которого определены законодательством довольно расплывчато. В крайних своих проявлениях оказание нелегальных правоохранительных услуг работниками органов ведет к появлению настоящей "милицейской мафии", мало чем отличающейся от обычной мафии.

Совмещение функций официальных и неофициальных стражей порядка определенным образом трансформирует отношение работников органов к преступникам. С одной стороны, рэкетеры начинают рассматриваться как коммерческие конкуренты, бороться с которыми надо уже не за страх и не за совесть, а за собственный кошелек. С другой стороны, защитники порядка в мундирах теряют интерес к качественному уменьшению рискованности бизнеса, поскольку это вызвало бы снижение спроса на их неофициальные услуги. Формируется государственно-уголовный паритет³⁴: государственные служащие становятся своеобразными партнерами уголовников, играя с ними в одни "игры" как партнеры, а не противники.

11.4 Выбор предпринимателем оптимального института защиты прав собственности

Таким образом, *к концу 1990-х гг. в России сложилась "плюралистическая" система защиты прав собственности*, в которой легальная правоохранительная деятельность дополняется (а во многом, заменяется) тремя разновидностями нелегальной. В таблице 11.6 показаны основные сравнительные особенности различных существующих в современной России институтов защиты прав собственности предпринимателей.

Таблица 11.6

Альтернативные механизмы защиты прав собственности предпринимателей в постсоветской России

Характеристики	Официальная правовая система	"Бандитская крыша"	"Коммерческая крыша"	"Милицейская крыша"
----------------	------------------------------	--------------------	----------------------	---------------------

³³ См.: Сафонов В.Н. Ук. соч. С. 112. Хотя автор проявляет заметный скепсис по поводу широкой распространенности «ментовской крыши», он все же признает, что она «иногда встречается».

³⁴ Радаев В.В. О роли насилия в российских деловых отношениях. С. 94.

Субъекты	Официальные лица из правоохранительных органов	Представители организованной преступности	Охранные агентства, собственные службы безопасности	Официальные лица из правоохранительных органов
Объекты	Все легальные предприниматели	Преимущественно мелкие и нелегальные предприниматели	Крупные легальные предприниматели	Легальные предприниматели, имеющие личные связи с работниками правоохранительных органов
Уменьшающиеся издержки	Незначительны.	Угрозы неорганизованной преступности. Риск несоблюдения контрактов. Вымогательство государственных чиновников.	Угрозы организованной и неорганизованной преступности. Риск несоблюдения контрактов. Вымогательство государственных чиновников.	Угрозы организованной и неорганизованной преступности. Риск несоблюдения контрактов. Вымогательство государственных чиновников.
Дополнительные издержки	Налоги. Издержки административного контроля.	Охранная дань. Оппортунистическое поведение "защитников".	Заработная плата охранникам. Специальное оборудование.	Доплата к зарплатам работников правоохранительных органов.

Поскольку разные системы защиты прав собственности конкурируют друг с другом, у предпринимателей появляется определенная возможность выбора той из них, которая представляется наиболее оптимальной. Конечно, говорить о рынке правоохранительных услуг можно лишь с большими оговорками. Как уже отмечалось, отказаться от ставших обременительными услуг "бандитской крыши" крайне тяжело, а добиться услуг "милицейской крыши", наоборот, весьма трудно. И все же можно попытаться построить гипотетическую абстрактную модель, показывающую степень оптимальности разных форм защиты прав собственности для предпринимателей различного масштаба.

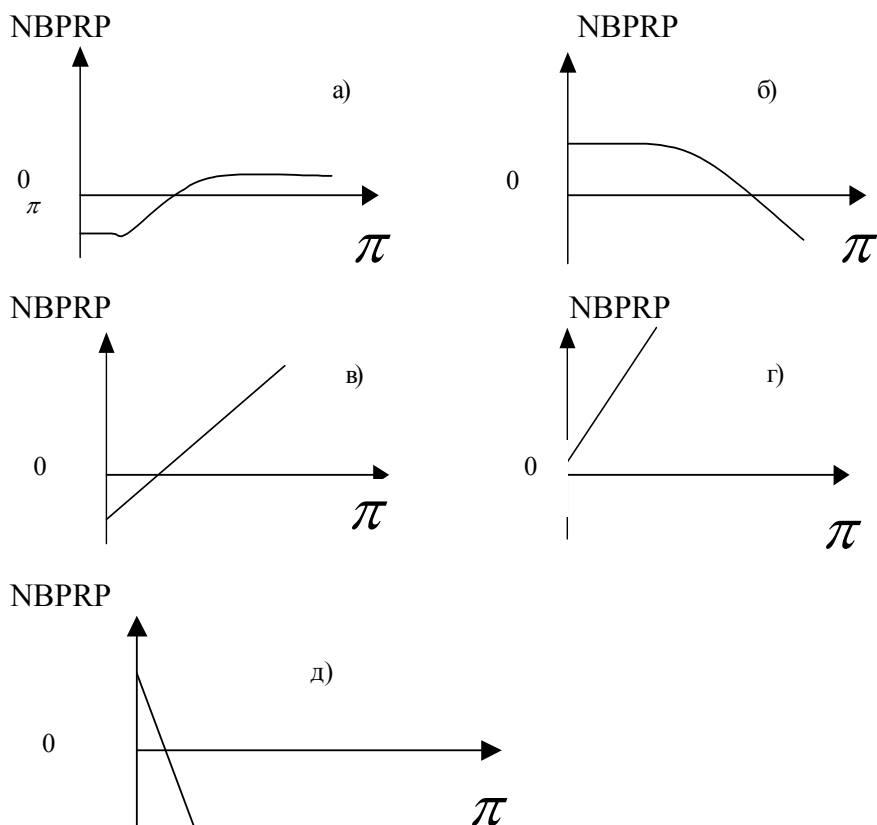

Рис. 11.2 Динамика чистых выгод от защиты прав собственности в зависимости от масштабов прибыли.

Рассмотрим, какой должна быть зависимость чистой выгоды предпринимателя от защиты прав собственности (net benefit of property right protection – NBPRP)³⁵ от величины получаемой предпринимателем прибыли (π).

Если предприниматель апеллирует только к официальной правовой системе, то для совсем мелких предпринимателей чистая выгода будет, видимо, отрицательной: существенные угрозы отсутствуют, а легальный статус предполагает довольно ощутимые издержки. По мере роста масштабов бизнеса и объема прибыли официальная правовая система все же начнет приносить некоторую чистую выгоду, но довольно незначительную (см. рис. 11.2а).

Когда используются услуги "бандитской крыши", предпринимателям мелкого и среднего масштаба они будут давать существенную пользу, но чем крупнее прибыль, тем в большей степени угроза исходит от самого "защитника", которому будет трудно справиться с соблазном поставить прибыльную фирму под свой полный контроль (см. рис. 11.2б).

Использование "коммерческой крыши" для мелких фирм заведомо нерентабельно (угрозы невелики, а оплата охранников недешева), в дальнейшем чистая выгода станет линейно расти (см. рис. 11.2в).

Если у предпринимателя есть возможность использовать "милицейскую крышу", то это будет, скорее всего, выгодно при любом масштабе бизнеса, причем с ростом его масштабов чистая выгода от использования такой защиты станет расти более быстрыми темпами, чем при использовании "коммерческой крыши", поскольку у продвигающих службу в органах возможностей гораздо больше, чем у отставных (см. рис. 11.2г).

Наконец, предприниматель имеет еще одну, пятую альтернативу: вообще не защищать свои права собственности по принципу "бедность – лучшая защита". Такое поведение будет выгодным только для очень мелких предпринимателей, по мере роста масштабов бизнеса чистая выгода быстро станет отрицательной (Рис. 11.2д).

Совместив все эти графики в одном, мы получаем жирную огибающую кривую, которая показывает оптимальную стратегию поведения предпринимателя (Рис. 11.3). Согласно этой модели, оптимизирующие стратегии защиты таковы: мельчайшему бизнесу целесообразно вообще ни утруждать себя никакой защитой (т.е. заниматься неформальной деятельностью, уклоняясь от опеки уголовных рэкетиров); мелким и средним предпринимателям надо смириться с необходимостью находиться под "бандитской крышей"; крупным предпринимателям выгоднее быть под "коммерческой крышей"; предпринимателям любого масштаба, кроме самого мельчайшего, следует стремиться попасть под "милицейскую крышу". Рассчитывать только на официальную правовую систему, согласно данной модели, отечественному предпринимателю не выгодно ни при каких обстоятельствах. Конечно, эта гипотетическая модель может рассматриваться только как самое первое приближение к пониманию исследуемой проблемы и требует эмпирической проверки.

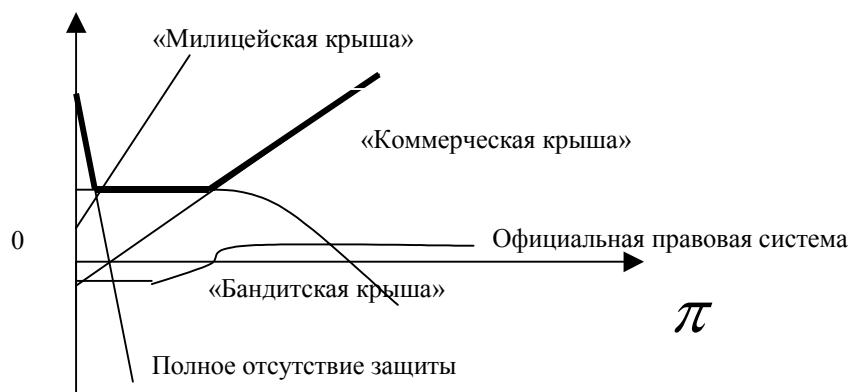

Рис. 11.3. Оптимизация предпринимателем защиты прав собственности

До сих пор мы рассматривали экономику рэкета с позиции жертв – предпринимателей. Для углубления понимания проблем, взглянем теперь на неё с точки зрения не "овец", а "волков" – организованных преступников.

11.5 Организованная преступность – государство в государстве?

В отечественной и зарубежной публицистике и даже в научных изданиях стало едва ли не общим местом паническое утверждение, что Россия превратилась в "мафиократию" – организованная преступность заменяет и вытесняет власть официальных государственных структур³⁶. Чтобы выяснить, насколько справедлив этот стереотип, надо сначала обрисовать самые общие признаки уголовной организованной преступности³⁷ как

³⁵ Чистая выгода от защиты прав собственности – разница между валовыми выгодами от защиты, которые образуются за счет уменьшения издержек предпринимателя, и его дополнительных затрат, порожденных защитой.

³⁶ См., например: *Konanykhine A., Gratcheva E. Mafiocracy in Russia* // <http://www.konanykhine.com/mafiocracy.htm>.

³⁷ С криминологической точки зрения, единым термином «организованная преступность» можно называть любые групповые правонарушения, от избияния и грабежа случайных прохожих шайкой подвыпивших юнцов до финансовых махинаций,

социально-экономического феномена, а затем охарактеризовать отечественную "красную мафию" как единство общего и особенного. Приоритетное внимание в нашем обзоре данной проблемы будет обращено на освещение вопроса, какие именно экономические функции государства выполнялись отечественными гангстерами и в какой степени.

Изучение организованной преступности как экономического феномена началось еще в 1960-е гг., когда возникло новое направление неинституционализма – экономическая теория преступности (economics of crime), особым разделом которой стала экономическая теория организованной преступности (economics of organized crime)³⁸. Экономический анализ показывает, что организованная преступность является неоднозначным явлением, в нем определенным образом соединяются признаки сразу трех институтов – фирмы, государства и общины.

11.5.1 Преступная организация как фирма.

Профессиональная преступность столь же стара, как и цивилизация. Примерно такой же возраст имеет и организованная преступность: пиратские флотилии и разбойничьи банды встречаются уже на самых первых страницах истории. Однако современная организованная преступность, возникшая примерно век тому назад, имеет принципиальные отличия от преступных организаций доиндустриальных обществ. Возникновение организованной преступности современного типа – это качественно новый этап развития преступного мира. Если "архаичные" бандиты являлись маргиналами, аутсайдерами общества, то деятельность современных мафиози строится в основном по законам бизнеса, а потому мафия стала довольно органическим институтом рыночного хозяйства.

Общеизвестно, что главная цель гангстерских преступных организаций – извлечение максимальной материальной выгоды. В связи с этим целесообразно вспомнить созданную М. Вебером концепцию двух принципиально различных типов "жажды наживы"³⁹. Авантюристическая жажда обогащения (в т.ч. путем грабежа и воровства) наблюдается в самых разных обществах с древнейших времен. Но только в условиях капиталистического строя складывается отношение к богатству как к закономерному результату рациональной деятельности по производству потребительских благ. Поскольку существует два типа "жажды наживы", постольку существует и два вида организованной преступности – традиционная и современная.

Традиционная организованная преступность (в качестве примера можно вспомнить, например, пиратов Карибского моря XVII в. или банду знаменитого Картуша – "короля" парижских грабителей начала XVIII в.) была всецело основана на насилии. *Современная организованная преступность* совершает главным образом "преступления без жертв" – занимается деятельностью, от которой выигрывают (хотя бы и иллюзорно) не только преступники, но и те, кто пользуется их услугами.

Формулируя определение организованной преступности, отечественные и зарубежные криминологи единодушно подчеркивают такие ее характеристики, как:

- а) устойчивость и долговременность,
- б) стремление к максимизации прибыли,
- в) тщательное планирование своей деятельности,
- г) разделение труда, дифференциация на руководителей разного уровня и исполнителей – специалистов разного профиля,
- д) создание денежных страховых запасов ("общаков"), которые используются для нужд преступной организации.

Нетрудно увидеть, что все эти признаки полностью копируют характерные особенности легального капиталистического предпринимательства⁴⁰. По своей организационной структуре современная мафия⁴¹ также в основном схожа с обычной фирмой (или с финансово-промышленной группой).

совершаемых почтенными коммерсантами. В данном разделе это понятие используется в более узком смысле – для обозначения устойчивых организаций, создаваемых профессиональными преступниками.

³⁸ Об экономической теории организованной преступности см.: Эндерсон Э. Организованная преступность, мафия и правительство // Политэконом = Politekonom. 1997. № 1. С. 92 – 103; Латов Ю.В. Экономический анализ организованной преступности. Лекция к спецкурсу "Теневая экономика". М.: ЮИ МВД России, 1997; Айдинян Р., Гилинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. М.: Олимп, 1997. С. 60 – 77; Экономическая теория преступлений и наказаний. Вып. 1. Экономическая теория преступной и правоохранительной деятельности. М.: РГГУ, 1999. С. 41 – 66; Economics of Organized Crime. Cambridge University Press, 1995.

³⁹ См., например: Вебер М. Развитие капиталистического мировоззрения // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 153, 158.

⁴⁰ О сходстве признаков легальных и нелегальных экономических организаций см.: Айдинян Р., Гилинский Я. Функциональная теория организации и организованная преступность. С. 63.

⁴¹ Термином "мафия" часто пользуются как наиболее общим понятием для обозначения организованных преступных сообществ, хотя исторически это выражение родилось в Сицилии и долгое время использовалось только для обозначения сицилийского и итало-американского гангстеризма.

Таким образом, *современная организованная преступность является*, по существу, *особой отраслью бизнеса – экономической деятельностью профессиональных преступников, направленной на удовлетворение антиобщественных и остродефицитных потребностей рядовых граждан.*

Трактовка современной организованной преступности как преимущественно экономического феномена уже нашла отражение даже в официальных определениях организованной преступности. Например, в США закон 1968 г. о контроле над преступностью характеризует организованную преступность как “противозаконную деятельность членов высокоорганизованной и дисциплинированной ассоциации, занимающейся поставкой запрещенных законом товаров или предоставлением запрещенных законом услуг”⁴². А в 1993 г. Генеральный секретарь ООН в докладе “Воздействие организованной преступной деятельности на общество” определил организованную преступность как деятельность преступников, объединившихся на экономической основе для предоставления незаконных услуг и товаров или для предоставления законных услуг и товаров в незаконной форме⁴³.

Почему же профессиональные преступники, занятые производством запрещенных товаров и услуг, создают организованные сообщества, а не ведут вольную жизнь независимых одиночек? Экономический подход предполагает, что любая форма поведения обусловлена в конечном счете поиском выгоды – стремлением максимизировать результат или минимизировать затраты. Организованная преступность как общественный институт также имеет экономическую подоплеку.

Прежде всего, очевидно, что организованность становится необходима преступникам, когда их деятельность требует разделения труда.

С экономической точки зрения, преступная деятельность как таковая складывается из двух компонентов:

1) *"перераспределительная преступность"* – преступные действия, сводящиеся исключительно к перераспределению доходов вне связи с каким-либо производством (кражи, грабежи и т.д.), и

2) *"производительная преступность"* – преступный бизнес, приносящий доходы от производства и продажи запрещенных законом или остродефицитных товаров и услуг.

В первом случае преступная деятельность, как правило, не требует разделения труда (либо оно минимально). Эффект масштаба при этом отрицателен: увеличение численности преступной группы не намного увеличивает “эффективность” преступных действий (количество добычи, приходящейся на каждого бандита), но сильно повышает вероятность попасться в руки стражей порядка. Поэтому преступления такого рода совершаются либо преступниками-одиночками, либо относительно немногочисленными группами (бандами), срок деятельности которых недолог (часто они изначально создаются, чтобы “сорвать куш и разбежаться”)⁴⁴.

Во втором случае, напротив, преступная деятельность “обречена” на коллективизм, поскольку преступное производство подчиняется тем же закономерностям, что и производство легальное, т.е. требует разделения труда и специализации. При этом возникает проблема транзакционных издержек – издержек создания и поддержания устойчивых отношений между многочисленными участниками преступного бизнеса. “Формируя организацию и предоставляя некоему авторитету (“предпринимателю”) право направлять ресурсы, можно сократить некоторые рыночные издержки”, пишет Р. Коуз⁴⁵. Именно поэтому при переходе преступников к новым, производительным преступным промыслам формируются возглавляемые криминальными авторитетами преступные группы – мафиозные фирмы, каждая из которых минимизирует издержки налаживания взаимоотношений между преступниками разных “специальностей”.

Занятые экономической деятельностью преступники должны налаживать отношения также с окружающей общественной средой. Чем шире размах преступной деятельности, тем дороже обходится противодействие конкурирующих преступников и правоохранительных органов. Поэтому широкомасштабная стационарная преступная деятельность требует заключения взаимовыгодных негласных контрактов, с одной стороны, между преступными бандами и, с другой стороны, бандитов с органами правопорядка. Преступные организации делят сферы влияния (территории, виды деятельности), договариваясь о правилах сотрудничества и конкуренции. Блюстители порядка получают от мафии постоянное денежное содержание (или иные полезные услуги, например, помощь в сдерживании неорганизованной преступности), обязуясь не проявлять “чрезмерного” служебного рвения⁴⁶. Создание преступной организации уменьшает расходы на договоренности и взятки, прихо-

⁴² Цит. по: *Никифоров А.С.* Гангстеризм в США: сущность и эволюция. М.: Наука, 1991. С.127.

⁴³ Основы борьбы с организованной преступностью / Под ред. В.С. Овчинского, В.Е. Эминова, Н.П. Яблокова. М.: “ИНФРА-М”, 1996. С.10.

⁴⁴ Единственным исключением является пиратство, поскольку управлять кораблем и вести морской бой можно только командой, причем довольно многочисленной. Однако и в этой разновидности преступного промысла уровень организованности, как правило, не выходил за рамки отдельной команды: в истории пиратства известно весьма мало случаев, когда бы пиратские команды объединялись для совместных действий, причем и эти объединения распались сразу после завершения похода, а иногда и во время него.

⁴⁵ *Коуз Р.* Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993. С.39.

⁴⁶ В криминологической литературе, например, можно встретить с утверждением, что широко рекламируемые в СМИ «войны» московского РУОП с солнцевской группировкой «превратились чуть ли не в договорные учения» (*Волобуев А.* Криминология теряет проблему организованной преступности. Выгода обоюдная // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. С. 107).

дящиеся на одного гангстера, поскольку уменьшается число участников сделки (главари банды действуют от имени всех ее членов).

Негласный контракт мафии с органами правопорядка невозможен, если рядовые граждане будут слишком решительно его осуждать, требуя ликвидации коррупции. Чтобы предотвратить общественное возмущение, организованная преступная группа должна заключить негласные контракты и с обществом, и с неорганизованной преступностью. Мафия обычно сама минимизирует вызывающие криминальные действия (убийства, грабежи)⁴⁷ и сдерживает их проявления со стороны неорганизованных преступников. Рядовые граждане получают возможность покупать запрещенные и дефицитные товары или услуги, многие из них находят работу на мафиозных предприятиях.

Неорганизованные преступники также включаются в систему негласных контрактов как своего рода "субподрядчики" преступных организаций. Получая право действовать на территории, контролируемой преступной организацией, неорганизованные преступники платят за это "дань". "Работа" без "лицензии" крайне опасна – нарушителей своих прав собственности мафия судит без бюрократических проволочек и без чрезмерного гуманизма. Неорганизованные преступники могут пользоваться "консультациями" организованных гангстеров, позволяющими снижать издержки преступлений.

В результате налаживания мафией негласных внешних связей создается атмосфера своего рода "общественного согласия". Все участники этой системы негласных контрактов получают некую выгоду (хотя бы иллюзорную). Пока соблюдаются "правила игры", организованная преступность малозаметна и не воспринимается как общественная проблема⁴⁸.

Таким образом, *организованная преступная группа* представляет собой *систему негласных отношений контрактов, минимизирующих транзакционные издержки преступной деятельности* (см. рис. 11.4).

Рис. 11.4. Система контрактов преступной организации

Модель преступной организации как системы негласных контрактов носит, естественно, обобщенно-абстрактный характер. Реальная организованная преступность стремится к этому идеалу, но далеко не всегда его достигает. В наибольшей степени ему соответствует организованная преступность Японии, которая действует совершенно открыто, поддерживая тесные связи с полицией⁴⁹.

⁴⁷ "Стрельба и убийства - безрезультатное средство делать бизнес, - заявлял по этому поводу босс американской мафии Мейер Лански. - Продавцы Форда не стреляют в продавцов Шевроле. Они пытаются перебивать цену друг у друга. Мы давно решили следовать этому принципу. Использовать огнестрельное оружие и насилие как можно реже, а лучше всего совсем не использовать". (Цит. по: *Иванов Р.Ф.* Мафия в США. М.: ТОО «Новина», 1996. С. 339.) Конечно, нужно делать поправку на лицемерие далеко не безгрешного гангстера. Однако несомненно, что угроза применения насилия часто делает излишним применение самого гангстерского насилия.

⁴⁸ Американские криминологи Г.Барнс и Н.Титерз еще в 1950-е гг. отметили: "основная причина, по которой общество терпеливо мирится с дополнительным бременем рэкета, заключается в том, что оно даже не подозревает о его существовании" (Цит. по: *Бормашенко Э.* Мафия: проявленный негатив // *Знание-сила.* 1994. № 9. С. 9.).

⁴⁹ "Именно в странном союзе полиции и мафии коренится причина относительно низкого уровня преступности в этой стране. Все силы полиции направлены на борьбу только с неорганизованной преступностью, но только не с мафией, и сама мафия помогает ей в этой борьбе... «Семьи» мафии не позволяют неорганизованным преступникам вызывать беспорядки" (*Преображенский К.* Пасынки самураев // *Вокруг света.* 1989. № 2. С. 10, 12.). Впрочем, в 1990-е гг. это «идиллическое» сосуществование полиции и якудза стало разрушаться.

Деятельность преступных организаций, которые считаются типичными для организованной преступности (мафиозные "семьи" Италии, якудза в Японии, китайские триады и др.), отнюдь не сводится к нелегальному предпринимательству. Все эти мафиозные организации существовали еще до того, как сформировались современные нелегальные рынки (рынок наркотиков, "живого товара", оружия, антиквариата, угнанных автомобилей и т.д.): если рынки нелегальных товаров стали складываться только после Второй мировой войны, то почти все знаменитые мафиозные ассоциации (за исключением американской "Коза Ностра") активно действовали по меньшей мере с середины XIX в. Превращение преступных сообществ в подобию легальных фирм соответствует, очевидно, достаточно развитому уровню их развития. На ранних стадиях мафиозные организации играют роль, скорее, своего рода теневых правительств. Впоследствии эти черты сходства заметно ослабевают, но полностью не исчезают. Чтобы доказать это, рассмотрим рэкет-бизнес, с которого, как правило, и начинается история любой мафиозной организации.

Рэкет – это *сбор гангстерами "дани" под угрозой причинения физического и имущественного вреда*. Собирая дань, преступная организация обычно гарантирует обложенным "данью" предпринимателям защиту от вымогательств других преступных групп или преступников-одиночек. Чтобы гарантировать стабильную плату, рэкетеры стремятся брать на себя роль верховного арбитра в спорных ситуациях, связанных с имущественными спорами между своими клиентами (долговые обязательства, исполнение контрактных соглашений).

Занимаясь рэкетом, преступная организация продает услуги по защите прав собственности – защите от всех криминальных элементов, в том числе и от членов данной организации. Правоохранительные услуги всегда относят к числу общественных благ (public goods), производство которых является монополией государства. Поэтому развитие рэкет-бизнеса следует рассматривать как форму *криминального политогенеза*, создания теневого эрзац-правительства, конкурирующего с официальным правительством⁵⁰. *"...Мафия выполняет функции правительства* (исполнение законов и криминальное судопроизводство), – пишет по этому поводу известный американский экономист-криминолог Э. Эндерсон, – *в той сфере, где законная судебная система терпит фиаско в осуществлении своих полномочий"*⁵¹. Выполнять функции криминального правительства, которое берет на себя организацию "теневого" правосудия, под силу не преступникам-одиночкам и не мелким конкурирующим бандам, а только крупным организациям, действующим долгие годы⁵². Кроме того, возникает необходимость в постоянной координации действий различных преступных организаций с целью предотвращения взаимных столкновений из-за спорных территорий. Для этого создаются специальные "советы директоров", состоящие из руководителей крупнейших преступных "семей", на регулярных собраниях которых осуществляется стратегическое планирование криминальной деятельности и урегулирование конфликтов⁵³.

Начав с *монополизации публично-правовых функций*, крупные преступные организации быстро переходят к *монополизации отдельных видов криминального производства* – осуществляют своего рода "национализацию". В сущности, каждая преступная организация стремится создать вместо гангстерского рыночного хозяйства гангстерскую командную экономику, полностью заменив конкуренцию централизованным распределением. Однако в полной мере это практически невыполнимо: помимо противодействия со стороны других преступных организаций и правоохранительных органов полной монополизации преступного бизнеса одной организацией препятствует сама технология криминального производства. Уже отмечено, что различные "черные" рынки – рынки запрещенных товаров и услуг – подвержены организованности и монополизации в разной степени. Например, наркобизнес контролируется организованной преступностью в большей степени, чем проституция, а среди наркорынков сильнее монополизированы рынки героина и кокаина, в то время как рынок марихуаны и гашиша – гораздо слабее. В преступных промыслах, как и в легальных, монополизируются лишь те отрасли, где объективно существуют монополистические барьеры: эффект масштаба, возможность захватить редкие сырьевые ресурсы. Поскольку во многих сферах криминального бизнеса таких барьеров нет, то сколько-нибудь полная его монополизация заведомо невозможна. Поэтому полная "национализация" каких-либо криминальных промыслов "теневым правительством" не удастся⁵⁴. Развитая организованная преступность предстает перед исследователем как сеть локально-

⁵⁰ Есть концепция, объясняющая формирование самих официальных государственных структур трансформацией грабежей налетчиков в сбор регулярной дани за охрану от других налетчиков. Полулегендарная история образования в IX в. древнерусского государства является ярким тому примером: по приглашению «регионального лидера» Гостомысла в Новгород прибыла «варяжская бригада» Рюрика, которая в обмен на дань стала охранять славян от «наездов» других варягов, а также прочих «неразумных хазар».

⁵¹ Эндерсон Э. Организованная преступность, мафия и правительство // Экономика и организация промышленного производства. 1994. № 3. С. 161. (Курсив наш – авторы)

⁵² Срок жизни преступных организаций сопоставим с длительностью существования фирм: если мелкие группы (как и мелкие фирмы) живут не более нескольких лет, то крупные организации действуют десятилетиями. Так, американская «Коза Ностра» как федерация гангстерских семей существует уже почти 70 лет, история сицилийской мафии уходит в начало XIX в.

⁵³ Впервые подобная «комиссия» создана в США в 1929 г. итало-американскими гангстерами из «Коза Ностра». В 1950-1970-е гг. по ее образцу были сформированы высшие организационные органы у сицилийской мафии и у якудза.

⁵⁴ Одним из наиболее высокомонополизированных криминальных промыслов долгое время был кокаиновый наркобизнес,

монополистических фирм, схожих с суверенными княжествами, между которыми не прекращается конкуренция за передел старых и освоение новых рынков.

Таким образом, *говорить о мафии как о "государстве в государстве" можно лишь тогда, когда преступная организация занимается правоохранным бизнесом либо выступает как монополист на рынке каких-либо товаров и услуг.*

11.5.3 Преступная организация как община

Внутренняя организация мафии имеет, как уже отмечалось, заметные черты сходства с обычной фирмой (разделение труда, иерархичность). Легальная фирма, будучи участником рыночных отношений, по своей внутренней структуре является миниатюрной командной экономикой; аналогично, преступная организация конкурирует с другими организациями, однако внутри нее элементы конкуренции сознательно подавляются. Но в мафиозных «семьях» есть черты, невозможные в обычных фирмах: круговая порука мафии далеко превосходит обычную лояльность служащих корпораций. Например, нормой поведения членов преступных сообществ является готовность жертвовать собой ради «общества» (например, отказываться от сотрудничества с полицией даже под угрозой тяжелого наказания), чего крайне трудно было бы ожидать от сотрудника легальной фирмы.

При объяснении монолитности преступных организаций обычно говорят, что нарушение «омерты» (закона молчания) наказывается смертью (часто не только самого нарушителя, но и членов его семьи). Однако страх сурового наказания – отнюдь не единственное, а, возможно, и не главное условие сплочения гангстеров. Основой мафиозных объединений, как подчеркивает немецкий социолог Л. Паоли⁵⁵, выступают прежде всего отношения «ритуального родства», вытекающие из «братского» контракта, который заключает на неограниченный срок каждый новый член преступной группы. На членов мафиозных объединений возлагаются обязанности оказывать друг другу материальную и иную помощь. «Подпись» под таким неформальным контрактом означает, что новичок не только отныне разрывает свои связи с семьей и старыми друзьями, но и обязан при необходимости пожертвовать даже собственной жизнью ради интересов преступной группы. Это предполагает господство внутри группы альтруистических взаимоотношений без ожидания наград, по типу отношений в архаичных общинах. Младшие члены мафии не имеют права отказываться от выполнения распоряжений старших. Отношения фиктивного родства придают криминальным организациям экстраординарную прочность, которую невозможно найти в предпринимательских фирмах.

Конечно, «мафиозное братство» характерно прежде всего для «старых» преступных организаций (триады, якудза, сицилийская мафия), зародившихся еще в до- и ранне-индустриальных обществах. Впоследствии мафия как тип организации подверглась процессу вырождения. Многие первоначально выполняемые ею функции частной силовой защиты перешли в ведение государственных или общественных организаций (полиции, суда, политических партий и т. д.). Дух общинного коллективизма также стал постепенно улетучиваться, заменяясь обычным стремлением к личной выгоде. Поскольку, однако, «мафиозное братство» служит эффективным противодействием усилиям стражей порядка уничтожить преступные организации, общинная ментальность сохраняется в них гораздо прочнее, чем в обычном мире законопослушных граждан.

Таким образом, преступные организации следует считать не только криминальными фирмами, не только теньевыми правительствами, но и преступными братствами общинного типа. В современном мире основным «лицом» мафиозных организаций становится «лицо» фирмы, а функции теньевых правительств и преступных братств уходят на задний план, но окончательно не исчезают.

11.5.4 Экономическая эволюция организованной преступности

Для развития организованной преступности необходим в первую очередь устойчивый и высокий спрос на запрещенные законом или остродефицитные товары и услуги. Поэтому экономическая история организованной преступности⁵⁶ – это поиск лидерами мафий особых рыночных ниш, закрепление и расширение своих позиций в ожесточенной конкурентной борьбе, а также периодическое «перепрофилирование», вызванное изменениями рыночной конъюнктуры. Экономическая история «долгоживущих» мафиозных сообществ показывает, что при всей национальной специфике набор основных преступных промыслов и даже последовательность их смены очень схожи (см. таблицу 11.7).

поскольку листья коки растут только в «Андском треугольнике» (Перу, Боливия, Колумбия). Однако и здесь наблюдалась не абсолютная монополия, а жесткая олигополия: в 1980-е гг. Медельинский наркокартель обеспечивал примерно 80% экспорта кокаина, наркокартель Кали – 20%; в 1990-е гг., наоборот, Кали – 80%, остатки Медельинского картеля – 10-20%.

⁵⁵ Paoli L. Organized Crime: Criminal Organizations or Organization of Crime? // Criminological Research Projects (1997/1998). Адрес в Интернете: http://www.iuscrim.mpg.de/en/research/crim/paoli_e.html.

⁵⁶ К наиболее общим работам, по которым можно ознакомиться с историей организованной преступности за рубежом, относятся: Полькен К., Щепоник Х. Кто не молчит, тот должен умереть. М.: Мысль, 1988; Устинов В.С. Понятие и криминологическая характеристика организованной преступности. (Лекция.) Нижний Новгород: Нижегородская высшая школа МВД РФ, 1993. Гл.11. С.32-41.

Неразвитость рыночного хозяйства, отсутствие элементарных условий безопасности бизнеса допускают широкое развитие “услуг безопасности” (рэкета). Когда рыночный строй стабилизируется, мафия проникает в инфраструктурные виды бизнеса (погрузочно-разгрузочные работы, строительство), которые не вызывают интереса у “большого капитала”. На более высокой стадии развития мафия приобретает способность к саморазвитию относительно независимо от легального бизнеса. Если раньше гангстеры занимались в основном нелегальным производством легальных услуг для предпринимателей, то теперь они начинают заниматься производством запрещенных товаров. Становление “общества массового потребления” вызывает переориентацию на ростовщичество и азартные игры, а недовольство этим обществом порождает наркобизнес. Во всех случаях мафия следует за общественным спросом, одновременно искусственно стимулируя его.

Таблица 11.7

Стадии экономической эволюции крупнейших организованных преступных сообществ

Основные преступные промыслы	“Коза Ностра” (США)	Мафия (Италия)	Якудза (Япония)	Триады (Китай, чайнатауны)
Рэкет	с 1890-х гг.	с начала XIX в.		с начала XX в.
Контроль над инфраструктурой	с 1920-х гг.	с 1950-х гг.	с начала XX в.	
Азартные игры, ростовщичество	с 1940-х гг.		с середины XVIII в.	
Наркобизнес	с 1940-х гг.	с 1950-х гг.	с 1970-х гг.	с 1970-х гг.
“Беловоротничковые” преступления	с 1970-х гг.	с 1970-х гг.	с 1980-х гг.	

По мере того как мафиозное сообщество обогащается и “окультуривается”, оно проявляет все более глубокий интерес к инфильтрации в легальный бизнес. Эта тенденция особенно усиливается в условиях активного экономического роста, дающего возможность делать “большие деньги” законным или полузаконным образом. Можно предположить, что “беловоротничковая” мафиозная преступность есть преддверие полного растворения гангстерского сообщества в законном бизнесе (пока таких примеров еще нет).

Рис. 11.5 показывает модель экономической эволюции организованных преступных сообществ. Эта модель отражает обобщенную закономерность развития, очищенную от случайных обстоятельств (каким был, например, “сухой закон” в США, породивший массовое бутлеггерство и резко ускоривший развитие и консолидацию организованной преступности в стране). Некоторые стадии в этой модели могут меняться местами, сжиматься и даже выпадать.

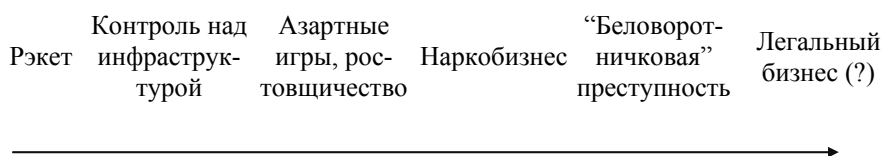

Рис. 11.5. Модель экономической эволюции организованных преступных сообществ

Из этой схемы четко видно, что называть “государством в государстве” можно, скорее, ранние формы организованной преступности (специализированные на рэкет-бизнесе), чем развитые. Впрочем, в той мере, в какой отдельным преступным организациям удается приблизиться к монополизации подпольного ростовщичества, наркобизнеса и т.д., зрелые формы организованной преступности также приобретают сходство с государственными институтами.

11.5.5 Чем организованнее преступность, тем лучше для общества

Самый важный аспект в экономической теории организованной преступности – это вопрос о степени ее общественной опасности. В современной отечественной криминологической литературе (особенно, популярной) господствует мнение, что именно организованная преступность несет обществу наибольшую опас-

ность и потому должна быть главным объектом правоохранительной деятельности. Экономисты глядят на эту проблему принципиально иначе⁵⁷.

Что касается "преступлений без жертв", типа деятельности сутенеров или наркоторговцев, то здесь применимо стандартное сравнение моделей конкурентного и монополизированного рынков: монополизация ведет к росту цен при сокращении объема продаж криминальных товаров (например, наркотиков), что является позитивным для общества результатом.

Для анализа ситуации применительно к "преступлениям с жертвами" целесообразно использовать предложенную американским экономистом Манкуром Олсоном логическую модель, сравнивающую "бандита-гастролера" и "оседлого бандита". Рациональный преступник, который постоянно меняет объекты преступных посягательств (воровства или грабежа), практически совершенно не заинтересован в благосостоянии своих жертв и потому будет забирать у них все, что только можно. Естественно, "в мире, где действуют бандиты-гастролеры, никто не видит никаких... побудительных мотивов производить или накапливать все, что может быть похищено..."⁵⁸. Ситуация принципиально меняется, указывает М. Олсон, когда вместо многих кочующих из одного района в другой бандитов-гастролеров формируется одна преступная организация, монополизирующая преступную деятельность на какой-либо территории. "Пастуху" выгодно, чтобы его "овцы" были сыты; чтобы у мафиозной "семьи" были стабильно высокие доходы, ей необходимо заботиться о процветании местных жителей и бизнесменов. Поэтому рациональная мафиозная "семья"-монополист не будет воровать или грабить на своей территории сама и не будет позволять делать это посторонним преступникам. Преступная организация увеличит свою выручку, торгуя "охраной", защитой от преступлений, которые она готова совершить сама (если ей не заплатят), и преступлений, которые совершат другие (если она не будет держать на расстоянии посторонних преступников). Следовательно, "если какая-либо "семья" имеет абсолютные возможности для того, чтобы совершать и монополизировать преступления на конкретной территории, преступность там будет невелика, или (за исключением "охранного" рэкета) ее не будет вообще"⁵⁹. Это может показаться удивительным, но модель М. Олсона убеждает, что с экономической точки зрения и преступники, и законопослушные граждане заинтересованы в максимальной монополизации криминальных промыслов.

Таким образом, экономическая теория доказывает, что для общества организованная преступность (монополизация преступных промыслов) предпочтительнее преступности дезорганизованной (конкурентной организации преступных промыслов). Экономисты авторитетно предостерегают против популистских "крестовых походов" на организованную преступность, результатом которых станет не снижение, а увеличение социальных издержек. Воистину, О. Уайльд был прав, когда говорил, что лучший способ борьбы с пороком – это примириться с ним.

До сих пор речь шла о "классической" мафии, рождающейся и развивающейся в условиях "нормального" рыночного хозяйства. В командной экономике и в условиях переходной экономики уголовная организованная преступность сохраняет свои основополагающие черты, но имеет и многие существенно специфичные особенности.

11.6 Взлет и падение уголовного рэкета

Организованная преступность в России – явление довольно старинное. Помимо обычных "соловьев-разбойников", которых на наших больших дорогах всегда было более чем достаточно⁶⁰, можно вспомнить хотя бы казацкие "республики" XVI – XVII вв., отечественный аналог пиратских сообществ Карибского моря того же времени. Однако роль "разбойного элемента" в истории России оказалась гораздо более значительной, чем за рубежом: многие эпизоды "крестьянских войн" при близком рассмотрении имеют отношение скорее к криминальной истории, чем к истории классово-борьбы. Что же касается более близких к нашим дням времен, то экономическая история отечественной организованной преступности XX в. исследована пока гораздо хуже, чем история зарубежных преступных организаций. И все же, хотя многие детали еще не ясны, ключевые характеристики "красной мафии" и основные поворотные моменты ее эволюции можно выделить уже сейчас⁶¹.

⁵⁷ Подробное освещение экономических концепций полезности организованной преступности см.: *Латов Ю.В.* Экономика преступлений и наказаний: тридцатилетний юбилей // Истоки. Вып. 4. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. С. 239 – 242.

⁵⁸ *Олсон М.* Рассредоточение власти и общество в переходный период. Лекарства от коррупции, распада и замедления темпов экономического роста // Экономика и математические методы. 1995. Т. 31. Вып. 4. С.56.

⁵⁹ Там же. С. 55, 56.

⁶⁰ «Разбойников у нас в Руси паче иных государств множество, - писал, например, в начале XVIII в., в относительно спокойные времена, первый российский экономист И.Т. Посошков, - ибо не токмо по десяти или по двадцати человек, но бывает по сту и по двести человек в артели и большы (и аще их весьма не истребити, то царству нашему Российскому никоими делы обогатится невозможно)...». Можно представить, что творилось на «Святой Руси» во время смут, число которых в нашей истории весьма значительно.

⁶¹ Литература, посвященная «русской» мафии, довольно многочисленна, но публицистика пока определенно преобладает над научным анализом. Из наиболее «солидных» изданий по этой проблеме см.: *Гуров А.И.* Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990; *Овчинский В.С.* Стратегия борьбы с мафией. М.: СИМС, 1993; *Гуров А.И.* Красная мафия. М.: Самоцвет, МИКО «Коммерческий вестник», 1995; *Константинов А., Дикселиус М.* Бандитская Россия. СПб.: БИБЛИОПОЛИС; ОЛМА-ПРЕСС, 1997; *Лунев В.В.* Преступность XX века. Мировые, ре-

11.6.1 *Организованная преступность в СССР: "воры в законе" как криминальное правительство*

Сообщество "воров в законе" – наиболее старая и известная криминальная группировка России. Современная отечественная организованная преступность как система вышла именно из этого сообщества. Ранние этапы его истории (примерно до 1970-х гг.) довольно туманны и отчасти легендарны. Точно известно одно: формирование (его относят к концу 1920-х – началу 1930-х гг.) этого сообщества произошло в местах заключения, что для "нормальной" организованной преступности совершенно аномально. Уже из самого названия этого сообщества следует, что его члены занимались сугубо "перераспределительной" деятельностью (карманные кражи, воровство, грабежи) и потому, в соответствии с ранее данным определением, это сообщество относилось не к современному, а к традиционному типу организованной преступности. Необычно, однако, то, что это сообщество смогло добиться очень высокой степени самоорганизации, которая за рубежом возникала только в преступных организациях современного типа.

Главным признаком "воровского" сообщества стало соблюдение его членами довольно жесткого свода правил – "воровских понятий":

- 1) строгая корпоративная солидарность ("вор в законе" не имеет права даже замахнуться на своего "коллегу", не то чтобы давать на него показания);
- 2) запрещение иметь какие-либо контакты с официальными властями (даже служить в армии);
- 3) запрещение заниматься обычным трудом (даже в местах лишения свободы);
- 4) обязанность контролировать поведение всех других преступников в местах заключения;
- 5) отказ от личного имущества (идеальный "вор в законе" не имеет ничего своего, он получает средства либо от преступных операций, в осуществлении которых играет роль организатора, но не исполнителя, либо от "добровольно-обязательных" отчислений других преступных элементов).

Для выработки и контроля за выполнением "воровских понятий" использовались многие институты, во многом схожие с институтами доиндустриальных общинных коллективов: "воровская присяга" при приеме ("коронации") новых членов, регулярные "воровские сходки" для обсуждения и решения важнейших вопросов, "воровский суд" над нарушителями "понятий", сбор средств в "воровской общак" (резервный фонд для оказания помощи самим преступникам в местах заключения и членам их семей).

Таблица 11.8

Сопоставление "воровских понятий" с бюрократическим "кодексом чести"

"Воровские понятия"	Характеристики идеального номенклатурищика сталинской эпохи
Корпоративная солидарность – преданность "воровскому" сообществу	Корпоративная солидарность – номенклатура как "орден меченосцев"
Запрещение иметь какие-либо контакты с официальными властями	Запрещение иметь какие-либо контакты с "врагами народа"
Запрещение заниматься обычным трудом	Специализация только на управленческой работе
Обязанность контролировать поведение всех других преступников	Обязанность контролировать поведение всех других советских граждан
Отказ от личного имущества – жизненные блага безвозмездно предоставляются другими преступниками	Отказ от личного имущества – жизненные блага предоставляются за государственный счет бесплатно или полубесплатно

Первоначально "воры в законе" были своеобразным криминальным правительством, управляющим местами заключения. Характерно, что "воровские понятия" являются своего рода зеркальным отражением "кодекса чести" идеального государственного чиновника, естественно, в российском представлении (таблица 11.8). Сталинская эпоха породила особую породу советских администраторов, у которых служебная деятельность полностью вытесняла частную жизнь ("Новое назначение" А. Бека дает яркое описание всех достоинств и недостатков этого социального типа). "Воры в законе" – это вариация на ту же тему: криминальные структуры всегда в определенной степени дублируют институты официального мира. Подобно государственным чиновникам, которых по приказу начальства перебрасывали с одного поста на другой, "воры в законе" также никогда не были привязаны к какой-то конкретной территории, как "семьи" зарубежных преступных организаций. Поэтому некоторые криминологи, подчеркивая специфику "воров в законе", выделяют их в особую организаци-

циональные и российские тенденции. М.: Издательство НОРМА, 1999. С. 299 – 309; Российская организованная преступность: новая угроза? М.: КРОН-ПРЕСС, 2000; *Anderson A.* A Red Mafia: A Legacy of Communism // *Economic Transition in Eastern Europe and Russia: Realities of Reform.* Stanford, 1995 (<http://andrsn.stanford.edu/Other/redmaf.html>); *Serio J.D., Rozinkin V.S.* Thieves Professing the Code: The Traditional Role of Vory v Zakone in Russia's Criminal World and Adaptions to a New Social Reality // *Crime and Justice: Europe.* July 1995 (<http://www.acsp.uic.edu/oicj/pubs/oje/050405.htm>).

онную форму – "кооперацию профессиональных преступных лидеров" (своеобразный преступный "клуб" или "каста"), отличную от "преступных синдикатов" (типа "Коза Ностра") или "организованных преступных группировок" (типа солнцевской "братвы" 1990-х гг.)⁶². С институциональной точки зрения, точнее было бы сформулировать вывод, что классические "воры в законе" представляли собой *криминальное правительство, организованное на общинных принципах* (наподобие правящей касты в государстве инков Тауантисуйю).

Естественно, что официальные советские органы отнюдь не были склонны мириться с "двоевластием" в обширном мире ГУЛага, и период попустительства (1930-е – 1940-е гг.) сменился периодом ожесточенных репрессий против носителей воровских традиций (1950-е гг.), в ходе которых первое поколение "воров в законе" было почти полностью "ликвидировано как класс". Однако затем наступило "возрождение", связанное с качественными изменениями в самих преступных промыслах.

В 1960-е гг., после массового развертывания теневого "цехового" бизнеса, появились профессиональные преступники нового типа, которые специализировались уже не на карманных кражах, а на "стрижке" подпольных предпринимателей. Первоначально бандиты просто грабили "цеховиков", но вскоре начали заниматься классическим рэкетом – сбором постоянной дани в обмен на гарантии защиты. Если ранее организованная преступность России специализировалась на насильственной перераспределительной деятельности, то теперь ее главной специализацией стало производство незаконных охранительных услуг. Появилась насущная потребность внести в стихийный рэкет-бизнес элементы организованности: упорядочить размеры дани, разделить сферы влияния разных группировок и т. д. Организаторские таланты "воров в законе" оказались очень кстати, но теперь для наведения порядка не только в тюрьмах и лагерях, но, прежде всего, на свободе. Именно благодаря "ворам в законе" была принята знаменитая "кисловодская конвенция" 1979 г., регламентирующая условия сосуществования уголовных элементов и "цеховиков".

Таким образом, в советский период наиболее консолидированное криминальное сообщество, "воры в законе", выполняло роль криминального правительства, причем решения "воровских сходок" осуществлялись, пожалуй, более последовательно, нежели постановления Совета Министров. Что касается "черного бизнеса" рыночного типа (наркобизнес, организованная проституция, торговля оружием и т. д.), то в брежневский период он только начинал формироваться.

11.6.2 *Перестройка в обществе – перестройка в мафии: от криминального правительства – к сети криминальных фирм*

Существование организованной преступности в нашей стране после долгого (с 1960-х гг.) периода замалчивания было официально признано только на закате советской истории, когда в 1988 г. в МВД вновь стали создаваться специальные подразделения, призванные бороться именно с преступными организациями. Однако это решение опоздало "на целую эпоху": к концу истории СССР "красная мафия" стала уже настолько влиятельным институтом социально-экономических отношений, что усилия органов правопорядка напоминали попытки вычерпать море дырявой ложкой. Кроме того, курс радикал-реформаторов на строительство капитализма "любой ценой" буквально парализовал какое-либо противодействие организованной преступности со стороны государства⁶³. Наивные либералы надеялись (либо делали вид), что мафиозные менеджеры ринутся в бизнес, чтобы честно "делать деньги". Однако ослабление официальных государственных структур создало в конце 1980-х – начале 1990-х гг. вакуум власти, который в значительной степени заполнился властью мафии, боссы которой отнюдь не торопились заниматься производительной деятельностью. Этот период стал периодом наибольшей силы отечественной мафии, когда она действительно на какое-то время стала "государством в государстве". Поэтому Б.Н. Ельцин не сильно преувеличивал, назвав в 1994 г. страну, президентом которой он был, "самым крупным мафиозным государством в мире" и "сверхдержавой преступности"⁶⁴.

Эволюция криминальных промыслов. Как уже упоминалось, главным источником доходов отечественной мафии в 1990-е гг. стали доходы от рэкета – нелегальной деятельности по защите прав собственности легальных и нелегальных предпринимателей. Быстро пролетело время "отморозков", которые вламывались к мелким предпринимателям с оружием в руках и требовали "вознаграждения" за то, что они оставили бедного бизнесмена в живых и без сломанных рук и ног. Подобные налеты только ускоряли становление "нормального" рэкет-бизнеса, когда "бандитские крыши" устанавливали твердый тариф за покровительство, оберегая своих "овечек" от "стрижки" посторонними бандитами⁶⁵. Рэкет-бизнес в России приобрел стандартную структуру

⁶² Козлов Ю.Г., Слинко М.И. Организованная преступность: структуры и функции // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. М.: Олимп, 1997. С. 59.

⁶³ Интересно отметить, что некоторые американские криминологи поддержали отказ российских властей от эффективной борьбы с организованной преступностью, поскольку-де она могла послужить оружием в руках консервативных, прокоммунистических властей и помешать развитию «свободных рыночных отношений», – по логике «лучше бандиты, чем коммунисты» (Мартенс Ф.Т., Руза С.Б. Внедрение РИКО в Восточной Европе: предусмотрительно или безответственно? // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. С. 218 – 223).

⁶⁴ Цит. по: Организованная преступность – 4. М.: Криминологическая Ассоциация, 1998. С. 57.

⁶⁵ Хотя в других странах "рэкетизация" осуществлялась в локальных рамках, "русская" мафия продемонстрировала уникальное умение интернационализировать этот преступный промысел. "Русские бригады" освоили сбор "дани" в странах не

иерархичной олигополии: "низовые" группировки находятся под покровительством криминальных "авторитетов" более высокого ранга, уступая им за это часть доходов ("пирамида рэкета"); контролируемые территории жестко поделены, чтобы каждый предприниматель мог находиться под покровительством только одной группировки⁶⁶. **"Российский криминальный мир стал единственной силой, которая может дать стабильность, обеспечить выплату долгов, возврат банковских кредитов,** – цитирует американский криминолог Ф. Вильямс одну из восторженных оценок деятельности "красной мафии" в постсоветской России. – Спорные вопросы владения собственностью решаются им эффективно и справедливо. **Он взял на себя государственные функции законодательной и судебной власти"**⁶⁷. С этой оценкой можно согласиться, по крайней мере, в том, что "красная мафия" занималась правоохранительной деятельностью справедливее и эффективнее официальных властей, которые скорее вредили предпринимателям, чем помогали им.

Помимо контроля над легальным бизнесом "красная мафия" сохранила жесткий контроль над бизнесом нелегальным, методично подчиняя или ликвидируя преступников-одиночек и мелкие самостоятельные группировки. Стало шаблоном утверждение, что радикальные рыночные реформы подняли огромную волну преступности. На самом деле, однако, следует удивляться тому, что эта волна не оказалась гораздо более высокой, как прогнозировали криминологи. Специалисты объясняют это тем, что "за годы перестройки преступность мафиозивировалась настолько, что, по существу, стала самоуправляемым антисоциальным явлением, самозащищающимся и самоограничивающимся свой рост"⁶⁸. Таким образом, отечественная практика, похоже, подтверждает защищающие мафию экономические теории: организованность преступного мира России не дала превратиться большой волне во всепоглощающее цунами.

По мере того, как в 1990-е гг. в производстве охранительных услуг росла конкуренция со стороны коммерческих охранных агентств, а также коммерциализированных государственных силовых структур, "русская мафия" постепенно утрачивала роль абсолютного лидера в защите прав собственности. Растущую долю в ее доходах стали занимать обычные криминальные промыслы, характерные и для современных зарубежных преступных организаций. Отечественная организованная преступность все активнее занимается экономическими ("беловоротничковыми") преступлениями, наркобизнесом, торговлей оружием и антиквариатом, порнобизнесом и многим иным. Тем самым из криминального правительства "красная мафия" постепенно превращается в совокупность криминальных фирм, которые занимаются лоббированием своих интересов в правительственных кругах – точно так же, как и вполне обычные фирмы.

Атмосфера всеобщей дезорганизации первоначально создавала условия для широкой диверсификации (многопрофильности), а не для концентрации по относительно немногим нишам преступного бизнеса. **К середине 1990-х гг. ситуация в стране относительно стабилизировалась, и теперь пошел не только территориальный, но и "отраслевой" раздел сфер влияния"**⁶⁹. Процесс сужения специализации также подчеркивает, что происходит трансформация российской организованной преступности в сеть криминальных фирм.

Эволюция криминального сообщества. Проявлением сильных институциональных изменений, происходящих в "красной мафии", являются изменения в среде самих "воров в законе" – того преступного сообщества, которое играет роль своего рода стержня криминального мира России. К концу 1990-х гг. становится очевидным, что настоящие "воры в законе", "наркомы" преступного мира, имеют шансы стать вымирающими "зубрами". Как ранее отмечалось, классические "воры в законе" соответствуют той стадии развития преступной организации, когда она выполняет роль криминального правительства. По мере коммерциализации мафии старые "понятия" начинают только мешать. В самом деле, можно ли представить теневого предпринимателя, который демонстративно отказывается иметь какие-либо контакты с властями и обладать личной собственностью? Поэтому размывание сообщества "воров в законе" идет и извне, и изнутри.

С одной стороны, новые криминальные авторитеты часто не ставят ни в грош "воровские" традиции, отказываются от "коронации" и рассматривают "воров" как обыкновенных конкурентов, от которых лучше избавиться. Там, где такие авторитеты берут верх над "ворами" (как в "бандитском" Петербурге), преступность становится более агрессивной и кровавой, поскольку у новых авторитетов еще не сформирована "культура согласия".

только Восточной, но даже Центральной Европы, отесняя во многих случаях местных гангстеров.

⁶⁶ Описание организационных форм рэкет-бизнеса в Сицилии см.: *Gambetta D. The Sicilian Mafia. The Business of Private Protection.* Harvard University Press, 1993. P. 53 – 71. Об организации рэкет-бизнеса в России см.: *Устинов В.С.* Понятие и криминологическая характеристика организованной преступности. Нижний Новгород, 1993. С. 46 – 47; *Сафонов В.Н.* Организованное вымогательство: уголовно-правовой и криминологический анализ. СПб.: СПБИНВЭСЭП; О-во «Знание», 2000.

⁶⁷ *Williams P.* How Serious a Threat is Russian Organized Crime? // In: *Russian Organized Crime. The New Threat?* L., 1997. (Цит. по: *Организованная преступность – 4.* С. 81.) (Курсив наш – Авторы.)

⁶⁸ *Овчинский В.С., Овчинский С.С.* Борьба с мафией в России. М.: Объединенная редакция МВД России, 1983. С. 9.

⁶⁹ Это выглядит примерно таким образом: в Москве солнцевская группировка курирует игорный бизнес; чеченская «община» – экспорт нефти, металлов, торговлю краденными автомобилями; азербайджанские группы – наркобизнес; и т.д. (*Крыштановская О.В.* Нелегальные структуры в России // Социологические исследования. 1995. № 8. С. 98).

С другой стороны, само звание "вора в законе" подвергается сильнейшей девальвации. Уже в конце 1980-х – начале 1990-х гг. число "законников" стало быстро расти (с 512 в 1988 г. до 660 в 1990 г.⁷⁰), что, естественно, сопровождалось ухудшением качества кадров. Первоначально пройти "коронацию" мог, как правило, лишь уголовник с большим тюремным стажем, что автоматически означало его органическую преданность криминальным "понятиям". В новую эпоху звание "вора" стали просто покупать⁷¹, в результате чего его получали преступники, не отбывшие ни единого срока и довольно молодые. Эти "новые русские" криминального мира привносят с собой атмосферу коррупции, подкупая старых, более авторитетных "воров", чтобы те выносили выгодные им решения. Судя по всему, коррупция поразила это нелегальное правительство не в меньшей степени, чем правительство легальное.

Таким образом, сообщество "воров в законе" теряет старое "лицо", и по мере того, как криминальных "наркомов" окончательно сменяют криминальные "новые русские", оно полностью трансформируется в сеть криминальных фирм, как это происходит и с зарубежными мафиозными организациями.

Таблица 11.9

Характеристики выявленных групп организованных преступников

Характеристики	1989 г.	1992 г.	1995 г.
Общее число групп	485	4.352	8.222
Численность групп свыше 10 человек	14	79	151
Численность групп, существующих свыше 1 года	80	873	1.639
Численность групп, имеющих связи			
коррупцированные	6	721	857
межрегиональные	39	1.388	1.065
международные	н/д	254	363

Составлено по: *Лунеев В.В.* Ук. соч. С. 303.

Отечественная мафия достаточно многочисленна, но по степени организованности пока заметно уступает зарубежным "образцам". Количество организованных преступных групп измеряется тысячами (см. таблицу 11.9), однако "настоящих" преступных сообществ – крупных, стабильных, с межрегиональными и международными связями, имеющих своих людей в органах власти, – заметно меньше: по заведомо неполным данным Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД РФ, в середине 1990-х гг. их насчитывалось в России порядка 150, они объединяли примерно 12 тыс. человек⁷². Кровавые "разборки" показывают, что консолидация крупных преступных сообществ и раздел "сфер влияния" еще не вполне завершились, хотя в сравнении с первой половиной 1990-х гг., когда страна походила на Чикаго времен Аль Капоне, прогресс весьма заметен. "Воровские сходки" по-прежнему остаются главным институтом криминального менеджмента, они проходят регулярно, но носят, как правило, региональный, а не общесоюзный характер⁷³. Центрального координирующего органа (своего рода совета директоров), по типу американской "комиссии", еще не создано⁷⁴, и, с учетом широких географических масштабов страны и усиливающейся атмосферы разобщенности, вряд ли следует ожидать в ближайшее время его возникновения. Известная аморфность, впрочем, не мешает активному налаживанию контактов крупных российских группировок с ведущими мировыми преступными сообществами,

⁷⁰ Самые известные воры. Минск, 1999. С. 451.

⁷¹ В литературе можно найти информацию, что цена этой сделки составляет 300 тыс. долл. (*Алексахин А., Рясной И.* Их дом – тюрьма. А они на воле... // Милиция. 1998. Сентябрь – октябрь. С. 25). Впрочем, «воры» с купленными титулами имеют заметно меньший авторитет, чем «настоящие воры». Считается, что количество по-настоящему авторитетных «воров в законе» составляет к концу 1990-х гг. всего порядка 200.

⁷² За порогом насыщения тревожностью. Организованная преступность в России (информационно-аналитическая справка ВНИИ МВД РФ) // Вечерняя Москва. 19 января 1995 г. С. 3. Для сравнения можно назвать оценки зарубежными криминологами численности других ведущих преступных организаций 1990-х гг.: число членов американской "Коза Ностра" оценивают в 5-7,5 тыс. человек (24 "семьи"), сицилийской мафии - в 6,5 тыс. (253 клана), японских якудза - 53 тыс. (*Иванов В.Ф.* Указ. соч. С.66; *Форестье П.* Тайная жизнь "Тото", подпольного главаря сицилийской мафии // КОМПАС. 1992. № 182. С.40-41; *Головин В.* Якудза отступает, но не сдаётся. Япония пытается покончить с легальной уголовщиной // Иностранная литература. 1994. № 8. С.235.).

⁷³ В 1994 г. состоялось 413 «воровских сходок», в которых участвовало около 6 тыс. человек (Основы борьбы с организованной преступностью. С.175.). Сама многочисленность этих мероприятий и их участников показывает, насколько раздробленной остается пока российская мафия.

⁷⁴ В 1994 г. на слушаниях в конгрессе США директор ЦРУ Дж. Вулси отмечал, что мафиозные группы в России "находятся на стадии организационного становления". Они не дотягивают до мафии в полном смысле слова, т.к. "пока нет механизма контроля центра над различными группами". Впрочем, по мнению Дж. Вулси, после "эволюционного развития" верхушка гангстерских банд может превратиться в могущественное "преступное Политбюро" (Где предел могуществу глобальной мафии? // Эхо планеты. 1994. № 18/19. С. 23). Несколько лет спустя американский криминолог Ф. Вильямс констатировал, что российская организованная преступность по-прежнему остается не монолитной, а скорее рассеянной и расчлененной (Организованная преступность – 4. С. 81).

что создает предпосылки для формирования в будущем своего рода мирового криминального правительства – "Большой пятерки" (итальянская мафия, якудза, триады, колумбийские наркокартели, "русская мафия")⁷⁵.

В целом по уровню своего развития "русская" мафия 1990-х гг. схожа с сицилийской мафией начала века (период 1880-х – 1920-х гг. в истории Сицилии называют "царством мафии"), когда мафиозные семьи едва ли не полностью контролировали слабо развитую экономику острова, занимая при этом даже официальные посты в органах муниципальной власти⁷⁶. Развитие рыночного хозяйства при стабилизации политической власти ведет всегда к тому, что организованная преступность занимает свое "законное место" в обществе, превращаясь из *системы криминальной власти* в *сеть криминальных фирм*, находясь в "динамическом равновесии" с силами правопорядка и не претендуя на политическую власть⁷⁷. Подобная трансформация "красной мафии" еще не завершена, но вектор развития обозначился уже в конце 1990-х гг., когда на смену квази-демократическим идеям "многовластия" пришла идея "сильного государства". По мере того, как эта идея будет трансформироваться из лозунгов в реальную повседневность, функции "красной мафии" как теневого правительства окончательно станут рудиментом.

* * *

Таким образом, фирмы постсоветской России стали главными субъектами приспособления к рынку. Это демонстрируется, в частности, тем, что они берут на себя даже ту функцию, которую при обычных условиях выполняет государство, — защиту прав собственности предпринимателей. Конечно, выполнение этих не свойственных фирмам функций в принципе не может отличаться достаточно высокой эффективностью: полулегальные и откровенно нелегальные правоохранители демонстрируют скорее право силы, чем силу права. И все же эти суррогаты делают возможным развитие рыночного хозяйства, хотя и в уродливой форме экономики рэкета.

Какую же тогда роль в рыночной модернизации постсоветской России играет само государство, если защиту прав собственности – одну из основных его функций – вынуждены выполнять сами фирмы? Этот вопрос мы рассмотрим в финальной части монографии.

⁷⁵ Есть, в частности, информация, что еще в 1992 г. в ходе переговоров между русскими и итальянскими мафиози была достигнута договоренность о международном разделении труда в героиновом наркобизнесе: итальянцы приобретают и сбывают наркотики, а русские обеспечивают безопасность их транзита через страны СНГ (Организованная преступность – 4. С. 58).

⁷⁶ См.: *Панталеоне М.* Мафия вчера и сегодня. М.: Прогресс, 1989.

⁷⁷ Именно такой путь проделала, в частности, сицилийская мафия. См.: *Васильков Н.* Метаморфозы итальянской мафии // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 7. С. 107 – 116.